

ЭКСПАНСИЯ

Роман
ЗЛОТНИКОВ

[ГРОН
ОБРЕЧЕННЫЙ НА БОЙ]

Грон

Роман ЗЛОТНИКОВ
Обреченный на бой

«Автор»

1999

Злотников Р. В.

Обреченный на бой / Р. В. Злотников — «Автор»,
1999 — (Грон)

Отставной полковник КГБ Казимир Пушкевич за долгую жизнь повидал многое. Он успешно проводил диверсионные рейды там, где это было почти невозможно, и не один службист продвинулся за его счет по карьерной лестнице. Но все, что нажил сам Пушкевич, – городская квартира и бесценный опыт. Квартиру у пенсионера попытались отобрать бандиты, а опыт хоть и помог с ними справиться, не избавил его от смертельной раны. Умирая, старый воин вспомнил просьбу корейского монаха и надел Белый Шлем. Этот магический артефакт – или высокотехнологичный девайс? – перенес его сознание в другой мир, в тело 14-летнего парня по имени Грон. И в опасное путешествие по рабовладельческим государствам Ооконы отправился крепкий портовый подросток с личностью 69-летнего спецаргента XX века. Он умеет убивать, добывать информацию и выживать. Но кроме этого, он знает, что такое честь, любовь, милосердие и долг перед ближним. А истинным владыкам Ооконы, Хранителям тайного Ордена, известно, что в их землях опять появился Измененный, который может воспрепятствовать очередной смене эпох...

© Злотников Р. В., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Пролог	5
Часть I	8
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роман Валерьевич Злотников

Обреченный на бой

Пролог

Солнце зашло за западный кряж, окрасив восточные отроги Драконьего хребта в причудливые красно-золотистые тона. От тасожских стойбищ на лагерь напозла синяя тень. Многим это показалось недобрый знак. Еще пять лет назад князья долин и лорды побережья, науськиваемые возбужденными толкователями завета, вдрызг бы переругались друг с другом. Но за последний год Старейший, да пошлют ему духи предков силу и здоровье, крепко вбил в упрямые головы властителей почтение к верховной власти. Недаром Палата князей на треть опустила. Семнадцать родов князей и лордов под корень вырублены, и каких родов! А князь Баргот, самая голова непокорных, ныне держит штандарт Старейшего, покуда тот отбыл на юг. На него и легла вся тяжесть отпора. Да только никто не верил, что Старейший такую добрую драку пропустит, потому и сей недобрый знак с надеждой приняли, а не со страхом. Привык народ – от благородного старейшины тейпа до оборванного водоноса, – что чем хуже, тем быстрее Старейший объявится. Хотя вроде куда уж хуже-то – Большая орда! Такое лишь деды дедов помнили. Семь поколений прошло с той поры. Хоть и отчаянно дрались предки, да остановить тасожские тьмы не смогли. Обезлюдели в тот год долины. Кто не полег в боях, того угнали в тасожские степи, продали на горгосских рынках либо отдали на алтари открытых степным ветрам капищ, на которых грязные – ибо Великий Отец Степи орошает степь лишь дождями и не переносит другой воды – тасожские колдуны щедро поливали сухой степной ковыль горячей кровью горских женщин, дабы обильнее рос степной ковыль и тучнее становились тасожские табуны. Два поколения после того года гордые горянки покупали себе мужей на невольничьих рынках, и с той поры нередки стали в высокогорных селениях русые, каштановые, белокурые, рыжие ребячьи головки.

И вот опять старая напасть. Да только сейчас есть надежда. Предки дрались порознь, каждая долина сама за себя, а ныне все сорок родов прислали свои отряды. Да и лорды побережья прислали свои двенадцать дружин. Все пришли. Даже те, в коих Старейший весь род властителей под корень извел. Их дружины старейшины привели. Все горы в этой долине собрались, весь Атлантор. И лагерь един. От стройных рядов палаток Дивизии до пестрых шатров морских забияк лорда Газага весь лагерь обнесен валом с частоколом, и каждый вечер князья, лорды и старейшины собираются в палатке князя Баргота и... ждут.

Старейший, как всегда, появился внезапно и совсем не с той стороны, откуда его ждали. Солнце уже скрылось, только верхушки самых высоких пиков несли последний привет уходящего дня, когда дозорные у засек всполошенно вскинули пики навстречу возникшему как изпод земли всаднику на огромном серебристо-черном коне. Однако в то же мгновение пики восторженно взлетели вверх, и долину огласил радостный клич. Бойцы Дивизии, старейшины, ополченцы и охотники посыпались из шатров и палаток, повскакивали с истертых кошм и, узнав новость, присоединились к всеобщему реву. Старейший галопом проскакал к шатру князя Баргота, из которого степенно, но с явно читаемым на лицах облегчением выходили властители долин и побережья. Князь Баргот вышел последним, однако не остановился в пяти шагах от Старейшего, как того требовал обычай, а, шагнув вперед, резким движением выдернул длинный родовой меч из ножен, покрытых почерневшей от времени кожей, и бросил его к ногам Старейшего.

– Суди, Старейший, моя вина. – Он опустился на левое колено и откинул длинные волосы, перехваченные серебряным обручем, с крепкой широкой шеи.

По рядам князей и лордов пронесся шепот. Все знали, что, когда месяц тому назад к князю примчался Гагригд, командир первого полка Дивизии, с вестью о том, что дивизионная разведка видела сотни телег и тысячные табуны, медленно ползущие к горам, князь, кривя губы, фыркнул:

– Даже младенцу среди горцев известно, что степь не ходит в набеги по выжженной солнцем траве.

Гагригд, известный горячим нравом, на сей раз сдержался и глухо ответил:

– Все когда-нибудь происходит в первый раз. – Потом повернулся и вышел.

А на следующий день разослал верховых с запечатанными приказами Старейшего, велел вскрыть печать по дымовому сигналу. Поэтому, когда Большая орда, сбив слабый заслон Дивизии на Ореховом перевале, хлынула в долины Драконьего хребта и опомнившийся князь Баргот со своей дружиной, стиснув зубы от позора, рванул навстречу врагу, Гагригд встретил его с Дивизией у Змеиных отрогов и остановил его безумный налет словами:

– Дружины будут здесь через неделю. От твоей смерти, князь, выиграет только орда. Ты должен собрать войско.

И вот сейчас князь Баргот требовал суда. Столпившиеся вокруг шатра воины вытягивали шеи, пытаясь через головы властителей разглядеть, что будет дальше. Об умении Старейшего владеть мечом ходили легенды. Князей же занимал другой вопрос. Сейчас перед Старейшим стоял, преклонив колени, последний из князей, чей род когда-то давал Атлантору Старейших князей страны, последний, кто мог претендовать на каменный трон, высаящийся у короткой стены Палаты князей. К тому же мятежник – единственный из выживших сторонников Древнего Пути. Один удар и... Старейший медленно наклонился и взял меч. Толпа затаила дыхание. Старейший покачал меч, принаравливаясь к балансу, потом высоко воздел над головой склоненного князя. Следующее движение не успел уловить никто. Меч исчез, гулко взвыл рассекаемый воздух, блеснувшее лезвие, совершив полный оборот, на мгновение вновь зависло в высшей точке и рухнуло вниз. Меч вошел в землю у самого обреза сапога, срезав тонкую, прозрачную стружку с кожаной подошвы.

– Есть, – вдруг заорал кто-то в толпе, – есть кровь!

Но князья и сами видели, что кожа на шее, натянутая между двумя позвонками, рассечена короткой царапиной, кровь выступила и лежала жирным, набухшим червяком. Однако ни одной капли не пролилось на землю. Князь Чегор восхищенно цокнул языком и, как старший по годам, громко выкрикнул древнюю формулу:

– Наказан и прощен!

Толпа возбужденно загудела. А Старейший вдруг наклонился и помог подняться князю Барготу. Тот был взмокший и растерянный. В миг, когда лезвие коснулось его шеи, он успел распрощаться с жизнью.

– Спасибо за заботу о домене, князь, – серьезно произнес Старейший и повернулся к остальным: – И вам спасибо, властители долин и побережья. Завтра к полудню жду вас на совет. Да пребудут с вами духи предков. – И, резко повернувшись, двинулся сквозь возбужденную толпу к палаткам Дивизии.

У полога штабной палатки он обернулся к отставшему на полшага Гагригду и ласково похлопал его по плечу:

– Ну что, ежик, пришлось сдерживать характер?

Тот смущенно хмыкнул.

– Ладно, иди отдыхай. О твоих делах я наслышан, одобряю, ну а подробности завтра доложишь.

В палатке, у стола, сидел человек в стандартном серо-черном комбинезоне «ночной кошки». Старейший плотно задернул полог и, знаком посадив вскочившего гостя, растянулся на разостланной в углу огромной шкуре пещерного медведя.

– Ну, что скажешь, король сумерек?

Посетитель соскочил с раскладного кресла и, опустившись на корточки, произнес:

– Завтра.

Старейший презрительно фыркнул:

– И все? Да об этом знает половина войска. Франк, сколько раз тебе говорить: что, где, когда – это тактика. Если мы ограничимся тактикой, они нас раздавят. Ты мне ответь – почему?

Собеседник медленно кивнул:

– Я думал, но... я не знаю.

– Думать, милый, мало, надо искать. – Старейший нахмурился, потом спросил: – Что ты можешь сказать о том большем шатре?

– Что у выхода из Лягушачьего лога? Это капище.

– А почему капище в шатре?

– Ну-у-у...

Тот, кого называли Франком, озадаченно потерся щекой о правое плечо. А действительно, почему?

Старейший иронично посмотрел на него.

– Вот-вот, милый, я думаю, ты идентифицировал все собравшиеся кланы и роды, локализовал вождей и старейшин, прочесал каждый бугорок в долине, а ответа на мой вопрос не знаешь.

– Но мы и не искали, кому нужно капище?!

– А все-таки любое тасожское капище открыто всем ветрам, а это в шатре – почему?

– Ну-у-у... не знаю.

Старейший неодобрительно покачал головой, но глаза блестели, явно посмеиваясь над смущением молодого начальника «ночных кошек».

– Там Чернозуб.

– Что-о? – У Франка округлились глаза. – Но ведь это значит... – Он замолчал, не смея произнести вслух вспыхнувшую мысль.

– Ты прав, если они волокут за собой воплощение Великого Отца Степи, это не набег, это кочевье. Похоже, их кто-то выдавливает из степи. Или... тащит.

– И что же нам делать?

Старейший глубоко вздохнул:

– Займемся арифметикой. – Поймав удивленный взгляд Франка, рассмеялся: – Минус на минус дает плюс. Поднимай «ночных кошек». Сегодня ночью пойдем говорить с ханами. К заходу луны чтоб были готовы, а я пока вздремну. Третьи сутки в седле.

Когда за Франком упал полог, Старейший завернулся в медвежью шкуру и, засунув под голову кулак, попытался задремать, но сон не шел. Перед глазами вдруг как живые встали лица из другого времени и иного мира.

Часть I

Раб

Полковник в отставке Казимир Янович Пушкевич на риторический вопрос: «Чем солдат отличается от убийцы?» – мог бы ответить так: «Солдат убивает намного больше». И был бы полностью прав, особенно если на место расплывчатого понятия «солдат» он поставил бы самого себя. Самый знаменитый убийца всех времен и народов – Джек-потрошитель – отправил на тот свет немногим более десятка жертв. Двадцатый век породил монстров, убивших сотни. За свою долгую воинскую судьбу полковник Пушкевич отправил на тот свет своими руками несколько тысяч человек, а если учесть и погибших в пущенных под откос эшелонах, а также иные жертвы его диверсий, то счет можно было вести уже на десятки тысяч. Возможно, если бы кто узнал, что невысокий, сухонький старичок, каждый день степенно прогуливавшийся по тенистым скверам Бульварного кольца, являлся одним из самых мощных видов оружия рухнувшей сверхдержавы, к нему бы тотчас прицепились километровые хвосты журналистов, а суматошные пикетчики расцвели его маршруты яркими плакатами, но сие было скрыто покровом тайны, за которым бдительно следили неутомимые стражи архива бывшего КГБ.

Между тем его детство никак не предвещало такую судьбу. Его отец был потомственным шляхтичем. На определенную традициями воинскую стезю у семьи Януша Пушкевича не хватило денег, поэтому весьма одаренный юноша вскоре очутился в Краковском ветеринарном училище. Блестяще закончив училище, он без экзаменов был принят на медицинский факультет Варшавского университета. Отдав дань модному в студенческой среде увлечению учением господина Маркса, студент Пушкевич благополучно отошел от р-р-революционной деятельности, чему не смогла помешать даже встреча с будущей звездой русской революции – господином Дзержинским. До самой войны господин Пушкевич практиковал в Варшаве и Лодзи, завел полезные знакомства и считался завидным женихом. Война, революция, немецкая оккупация и образование Польской республики пронесли над головой частнопрактикующего врача, особо его не задев, но «санационный» режим Пилсудского заставил припомнить неосторожное увлечение юности и озаботиться дальнейшей судьбой. Доктор Пушкевич счел за лучшее исчезнуть из столичных салонов и, припомнив первую профессию, удалился во вновь присоединенные восточные земли, нанявшись управляющим у своего давнего варшавского знакомого.

Бурные волны буденновского прилива выбросили на обочину сего небольшого имения стройную русоволосую девушку и огромного бородатого и громогласного мужчину – ее отца, а в недалеком прошлом еще и приват-доцента кафедры металлургии Киевского университета. Хрупкая беженка, оказавшаяся бывшей «смолянкой», пленила сердце зрелого мужчины, и зимой 1922 года в скромном сельском костеле старенький ксендз сочетал законным браком «раба Божия Януша» с «работой Божьей Ксенией». Громогласный тесть, пережив зиму с молодыми в господском доме, по весне обосновался в давно пустующей деревенской кузне и со всем жаром своей неумейной души отдался любимому делу. Тем же летом у придорожной кузни остановился передохнуть шустрый седенький старичок, который, услышав громкий голос кузнеца, заулыбался и, раскрыв объятия, кинулся внутрь. Это оказался профессор того же Киевского университета, известный почвовед Барский. Закончив лобзания, кузнец, как тесть управляющего, повел давнего знакомого в дом зятя, где тут же, к немалому облегчению Януша, слабо разбиравшегося в агрономических науках, был решен вопрос о трудоустройстве. Так у будущего Казимира появился, кроме дедушки Потапа, и дедушка Иосиф. Тяжелые скитания не прошли бесследно для Ксении, и первые две беременности закончились неудачно. Однако на третий раз Януш отказался от услуг дорогих варшавских гинекологов и из глухой деревушки

под Белостоком привез бабу Олесю, знахарку-травницу. То ли помогли ее отвары, то ли Господь наконец сподобил, но весенним утром 1927 года Ксения разрешилась от бремени крепеньким мальчуганом, которого в том же костеле, где сочетались браком его родители, окрестили и нарекли Казимиром.

Казимир рос шустрым и пытливым мальчишкой. Дед Потап, с рождением внука перебравшийся к дочери, и дед Иосиф, занимавший пару комнат в господском доме, где жила и семья управляющего, в мальчугане души не чаяли. Но тесное общение семьи неожиданно принесло некоторые осложнения. Дед Потап оказался ярым монархистом, а дед Иосиф – убежденным кадетом. Поэтому их жаркие словесные баталии о судьбах рухнувшей великой империи временами не давали уснуть остальной части семьи до первых петухов. После решительного вмешательства мамы Ксении дискуссия приняла более цивилизованный характер, но продолжалась с неизменным упорством до самого рокового июньского дня 1941 года. С пяти лет Казимир выучился читать, и на семейном совете было принято решение создать для мальчика полноценную школу. Дед Потап был отряжен на занятия физикой и математикой, дед Иосиф – естествознанием, мать занялась языками и русской словесностью, а отцу достался польский язык. Кроме этого, каждый день к услугам мальчика были предметные уроки по медицине, ветеринарии, полеводству и кузнечному делу, а вечером – лекции по социологии и политологии. Пребывание в столь насыщенной знаниями атмосфере должно было бы отбить у мальчика всякое желание учиться, но неизвестно по какой причине произошло наоборот. Казимир учился не просто с удовольствием, а с жадностью. В десять лет он поверг в прострацию обоих дедов, выдав им наизусть цитату из «Политики» Аристотеля. В одиннадцать лет он собственноручно выковал себе набор хирургических инструментов, а в тринадцать, обливаясь потом, прооперировал аппендицит у районного уполномоченного, прикатившего в бывшее имение организовывать колхоз. Сия операция вкупе с удачно упомянутым Пушкевичем-старшим эпизодом его давней встречи с Дзержинским позволила единогласно избрать председателем вновь созданного колхоза «пламенного борца с царизмом и давнего друга Советского Союза товарища Пушкевича», чему крестьяне были чрезвычайно рады, поскольку Пушкевич-старший пользовался в имении чрезвычайным уважением.

Все закончилось жарким июньским утром 1941 года, когда на пороге комнаты, в которой вся семья собралась за традиционным воскресным завтраком, появился одетый в грязно-зеленую форму автоматчик и, ослабившись и проорав: «Коммунистен – швайн!» – швырнул на стол тяжелую гранату с деревянной ручкой. Через полчаса немецкие мотоциклисты покидали село, таща на поводу коров и коз, а Казимир, которого спас тяжелый дубовый стол и мощная длань деда Потапа, швырнувшего парня на пол, стоял на опушке леса и смотрел на столб дыма, поднимавшийся над тем местом, где был его дом. Так закончилось его детство.

Что он делал в следующие полгода, Казимир осознавал смутно. Опять он включился в реальность, стоя в землянке уполномоченного СМЕРШа партизанского отряда Кострова. Тот воткнул в Казимира тяжелый взгляд, потом поднялся, налил кружку спирта и сунул ему в руку:

– Пей.

Казимир залпом выпил. Костров покачал головой:

– Лихо пьешь, партизан, – потом помолчал несколько минут и, когда Казимира изрядно развезло, резко спросил: – Боишься меня?

– Нет, – пьяно качнувшись, ответил Казимир.

– Дурак, – подвел итог Костров, потом, помолчав, так же резко продолжил: – А смерти боишься?

– Нет, – упрямо гнул свое Казимир.

– Вдвойне дурак, – усмехнулся Костров, – по всему виду – тебя скоро шлепнут. Так вот, чтоб твой дурной героизм зазря не пропал, будешь работать на СМЕРШ.

– Я подрывник, – шатаясь, заупрямился Казимир.

– А я тебя в свою землянку и не зову. А теперь – пшел вон.

Через полгода Костров вызвал его снова. Как и прошлый раз, сунул в руку кружку со спиртом, но сейчас налил вполовину меньше.

– Боишься меня, Пушкевич?

– Нет.

Костров усмехнулся, покачал головой:

– Как был дураком, так им и остался. Но надо признать, дурак ты удачливый. Сколько людей полегло, а на тебе ни царапины. Ну да ладно, удачливые нам нужны. Я завтра улетаю на «большую землю». Ты летишь со мной.

– Я воевать хочу, – набычился Казимир.

Костров нахмурился:

– Мне насрать на то, что ты хочешь, я сказал, что ты сделаешь. А теперь – пшел вон.

Войну Казимир закончил капитаном с шестью боевыми орденами и десятком медалей. Когда его, едва отошедшего от трехдневного празднования Победы, вызвали в штаб, то, взявшись за ручку двери, он уже знал, кого там увидит. Костров, позаимствовавший на полчаса кабинет начальника штаба (еще бы, посмел бы тот отказать подполковнику государственной безопасности), традиционно сунул ему в руку кружку, наполненную теперь немецким шнапсом, и произнес:

– За Победу! – А выпив, поставил кружку на стол, утер губы и спросил: – Боишься меня?

Казимир хмыкнул и покачал головой:

– Нет.

– И зря. – Костров взял со стола какое-то предписание и сунул Казимиру: – Ознакомься, едешь со мной – устанавливать Советскую власть на Западной Украине. Там проверенные люди со знанием польского и немецкого – на вес золота.

Именно там Казимир получил прозвище, под которым потом проходил по всем картотекам западных разведок. Бандеровцы прозвали его Клыки. Однажды, после непрерывной двухнедельной погони, его опер-отряд вышел к глухому хутору, на котором, у одной из своих любовниц, передыхал знаменитый глава провода Зозуля. Операция была молниеносной и кровавой. Они положили всех: самого Зозулю, десяток его охраны, его молодуху, их сына. В живых остался только посеченный осколками гранаты престарелый отец молодухи, доживающий свой век бобылем с дочерью и внуком. Когда Казимир увидел щепки дубового стола и трупы Зозули, женщины и ребенка на полу, его вдруг поразило странное сходство с тем жарким июньским утром, которого он старался не вспоминать. Казимир резко повернулся и ударил по стволу ППШ, который его заместитель уже упер в грудь старика.

– Ты чего, командир? – не понял тот.

– Этого возьмем с собой.

– Да толку от него... – начал заместитель, но, натолкнувшись на яростный взгляд, осекся.

Так у Казимира появился дядько Богуслав. После трех дней допросов Казимир забрал его из подвалов Львовского управления МГБ и отвез к себе на квартиру. Дядько Богуслав довольно быстро обжился, завел знакомства с крестьянками, привозившими продукты на местный рынок, и однажды, когда Казимир с трудом разлепил глаза после дикой пьянки по случаю успешного завершения очередной операции, он увидел у своих губ кружку с огуречным рассолом, а ласковый голос произнес:

– Испей, Казимирушко, голове легче станет.

Он некоторое время ошарашенно разглядывал кружку, потом осторожно глотнул. Поздно вечером, хмуро наблюдая за тем, как дядько Богуслав суетливо накрывает на стол, Казимир внезапно произнес:

– Я твою семью под корень извел, а ты меня – рассолом...

У старика подкосились ноги. Рухнув на скамеечку, он грустно улыбнулся:

– Да ведь тебя раньше Бог наказал, как же на тебя сердиться-то, тебя жалеть надо. – И, вздохнув, добавил: – Одни мы с тобой на белом свете остались, Казимирушко, куда нам рядиться-то?

В конце сороковых Казимир уехал в Москву, на учебу. Однако, когда его сразу после выпуска срочно вызвали с банкета к ректору института, он был почти уверен, кого застанет в обширном кабинете.

– Боишься меня? – Костров звякнул граненым «мерзавчиком» о запотевший стаканчик Казимира.

Тот хмыкнул, а Костров, блестя новенькими полковничьими погонами, добродушно буркнул:

– Дурак, традиции соблюдать надо. – И, опрокинув стопку, продолжил: – Я тебя к себе забрал, на Дальний Восток.

Однажды, возвращаясь из очередной командировки, Казимир застал у дверей своей квартиры бравого милиционера. Тот грозно потребовал документы, но, увидев маленькую книжечку, побледнел и забормотал:

– Тут, я извиняюсь, родственничка вашего... того... ограбление, понимаешь, а он сопротивляться... медальки ваши не дал...

У Казимира потемнело в глазах. Через час он сидел у следователя, который вел это дело. Тот суетливо перекладывал на столе какие-то папки и убежденно рокотал:

– Найдем, чего ж не найти, я их, сук, на такой срок упеку...

– погоди, капитан, – остановил его Казимир, – ты мне их просто так покажи, на улице, дальше мое дело.

Через неделю капитан позвонил Казимиру и попросил зайти. Когда Казимир вошел в кабинет, в глаза бросилась рельефная серебряная чарка, которую дядько Богуслав привез еще из Львова. Он шагнул к столу и коротким, без замаха, ударом врезал вальжно развалившемуся на стуле фрайеру. Тот отлетел к стене и опрокинулся на пол. Капитан ошарашенно покачал головой:

– Да это не он, он шулер, эту штуку в карты выиграл, но о тех, кто вашу квартиру взял, он кое-что знает.

Когда очухавшемуся шулеру предъявили документы Казимира, тот сразу сник.

– Запомни, – инструктировал его капитан, – опишешь товарища майора как «кликушника». Ты его наказал на крупную сумму, и он расплатился с тобой церковной «рыжухой», причем ты просек, что ее у него много.

После этого Казимир стал гулять в указанном капитаном месте, у старых пакгаузов, с большим чемоданом. На третий день его встретили трое: два здоровых жлоба и маленький, шустрый мужичок со злыми глазами.

– Слушай, фрайер, – начал шустрый, – а тебе не кажется, что товарищ Сталин велел таких жлобов, как ты, на пику сажать? – И он выхватил финку. – Гони «рыжуху», козел.

А Казимир не отрываясь смотрел на маленький серебряный униатский крестик, который дядько Богуслав не снимал даже в бане, только заворачивал в дубовый листок от веника, чтоб не жгло.

– Ты че, фрайер, уже умер? – заржал шустрый.

Казимир отбросил чемодан и скользнул вплотную к бандитам. Через несколько мгновений один жлоб лежал в пыли со сломанным позвоночником, а второй пускал кровавые пузыри из пробитых осколками ребер легких. Казимир наклонился над повизгивающим шустриком, пытавшимся отползти, волоча за собой сломанные руку и ногу, и, заглянув в округлившиеся от ужаса глаза, спросил:

– Помнишь старика из квартиры на Краснофлотской?

Тот замер, а Казимир повернулся, подобрал финку и, захватив в кулак крестик, перерезал бечевку. Потом сунул его бандиту в лицо и сказал:

– Это его, – потом повернулся и, отойдя на десяток шагов, не поворачиваясь, метнул финку. За спиной раздался судорожный всхлип, потом все стихло.

Через неделю Костров вызвал Казимира к себе.

– Вот что, Пушкевич, если еще раз сотворишь что-либо подобное... Короче, ты меня понял, – он помолчал, – собирайся, сегодня вечером вылетаешь в Пномпень. Надо помочь корейским товарищам подготовить подразделения глубинной разведки. Так что это дело как раз для тебя. Да и здесь партийные органы успокоятся. – Костров хмыкнул. – Надо же, майор государственной безопасности взялся бандитов мочить. Что, руки зачесались? – И, не дождав-шись ответа, закончил: – Там для твоих рук большущее поле деятельности скоро откроется.

Через неделю Казимир, сопровождаемый комиссаром и переводчиком, двигался вдоль строя «убежденных ленинцев-сталинцев, верных последователей дорогого товарища Ким Ир Сена», скептически разглядывая выпирающие ключицы и худые шеи, которые вкупе с остек-ленелыми глазами демонстрировали кандидаты в разведчики-диверсанты.

– Значит, четыреста человек?

Комиссар, улыбаясь, быстро закивал головой и что-то залопотал. Переводчик старатель-но перевел:

– Каждый из них горит классовой ненавистью к южным капиталистам и, руководствуясь путеводным учением товарища Ким Ир Сена, готов отдать свою жизнь за дело освобождения угнетенного рабочего класса и крестьянства юга страны от нещадной эксплуатации междуна-родным империализмом.

Казимир хмыкнул:

– Посмотрим. – Он окинул строй хмурым взглядом, потом повернулся к песчаной отмели метрах в ста от поляны, на которой выстроились курсанты. – Личные вещи из мешков! Мешки наполнить песком под завязку! Построение на своих местах через десять минут. Разойдись! – Потом повернулся к переводчику: – Бегом два мешка с песком мне и комиссару.

Он оставил тридцать пять человек. Всех, кто добежал двадцатый километр. Комиссара среди них не было.

Ровно через год, когда он подготовил уже второй выпуск, его разбудил среди ночи посыльный с приказом срочно прибыть в советскую торговую миссию. Там его ждал Костров.

– Я тебе давно говорю, Пушкевич, что меня стоит бояться. – Он потер почерневшее от бессонницы лицо. – Готовь группу глубинной разведки, можешь отзывать с фронта любого из своих орлов, группу поведешь сам.

– Куда?

– Пусан.

Казимир присвистнул.

– Там же американцы!

– Вот поэтому группу поведешь ты. – Костров поднялся, подошел к шкафчику, налил две чашки вонючей рисовой водки и сунул одну Казимиру. – И запомни, если вдруг... ну... ты понимаешь... американцы не должны получить от тебя ни одного целого куска. И желательно – ни одного живого из твоих корейцев.

Казимир кивнул и вышел.

Он припомнил этот разговор, когда с остатками группы уходил из района сплошного поиска. Трижды они чудом проскальзывали мимо засад, два раза сами устраивали бойню зарвавшимся «зеленым беретам». Вторую неделю они находились под проливным дождем. Последний раз ели четыре дня назад. А за последние двое суток ни на минуту не сомкнули глаз. Карты раскисли и расплзлись. После последнего боя все оставшиеся патроны Казимир как лучший стрелок забрал себе. Имея при этом в виду и приказ Кострова. Получилось два

магазина к ТТ и еще восемнадцать в рожке ППШ. Когда шедший прямо за ним радист Ким рухнул на тропинку и умер, Казимир понял, что им необходимо срочно отдохнуть хотя бы час. Он скомандовал привал, а сам полез на дерево. С трудом он преодолел три нижние ветки и вцепился в ствол, ожидая, пока исчезнут круги перед глазами. Когда он сумел сфокусировать взгляд, то совсем рядом, метрах в трехстах, увидел белую ступенчатую крышу какого-то здания, похожего на храм. Почти рухнув вниз, он чуть не пинками поднял троих оставшихся бойцов, и они двинулись сквозь заросли. Когда они подошли к пагоде, один из бойцов вдруг бухнулся на колени и что-то возбужденно залопотал. Казимир, у которого не осталось сил на вопросы, ткнул того кулаком и двинулся к зданию. Ен, лучше всех усвоивший русский язык, шатнулся за ним и, едва шевеля губами, проговорил:

– Лю говорит, что это храм Белого Шлема, его хранитель – искусный воин, в храм имеет право войти только претендент на должность хранителя. Если он проиграет, то старый хранитель его убьет.

Казимир раздраженно оттолкнул Ена и шагнул внутрь. У него не было ни сил, ни желания играть в эти игры. В храме было сухо и сумрачно. Казимир облегченно опустился на пол и привалился к стене. Вдруг откуда-то из-за стоявшей в нише конструкции, напоминавшей не то башнеподобную шапку, не то шапкообразную башню, выскочил какой-то седенький старичок. Издав громкий крик, он прыгнул к дверному проему и, кувыркнувшись в воздухе, засветил в лоб Ену и Ро и повернулся к Казимиру. В это мгновение бухнул ТТ, старичка отбросило на улицу. Казимир убрал пистолет и, кивнув бойцам на старичка, буркнул:

– Пусть помокнет. Я ему бедро прострелил. Уйдем – очухается.

Очнулся Казимир оттого, что из тонких стен пагоды летели щепки, а где-то совсем рядом грохотал крупнокалиберный браунинг. В голове мелькнуло: «Достали, сволочи». Казимир перекатился по полу, резанул длинной очередью прямо сквозь стену туда, откуда раздавался звук пулеметных очередей. Послышался вскрик, и пулемет замолчал. Казимир огляделся. Бойцы были мертвы. Их расстреляли сквозь стену. Видимо, они даже не успели проснуться. Послышались команды на английском. Казимир мгновенно выпустил остатки рожка в ту сторону, и очередная команда оборвалась на полуслове. Он успел отбросить ППШ, достать ТТ и перекатиться за башнеобразную конструкцию, как на пагоду обрушился шквал огня. Через минуту огонь прекратился, сквозь дыры в стене влетели две гранаты, шарахнуло. Башнеобразную конструкцию смяло в какую-то сюрреалистическую скульптуру. Потом в проеме двери и проломах стен показались рослые фигуры в зеленой форме. Казимир открыл беглый огонь из пистолета. Он успел вновь перекатиться, сменить и расстрелять последний магазин, когда фигуры исчезли. Больше патронов не было. Он вздохнул. Пора было выполнять приказ Кострова. Казимир сунул руку за пазуху, вытащил «лимонку» с примотанной к ней двухсотграммовой толовой шашкой и взялся за чеку, как вдруг кто-то тронул его за плечо. Казимир крутанулся, выдернул чеку и посмотрел на того, кто к нему подкрался. Это оказался тот самый седенький старичок. Знаками он показал, что ему нужно отодрать от пьедестала остатки башни. Казимир, несколько мгновений поколебавшись, свободной рукой достал нож и всунул в щель, работая лезвием как рычагом.

– Эй, рашен, – заорал вдруг кто-то на улице, – мы знаем, что ты есть здесь, мы предлагаем почетный сдача плен, мы обязаться сохранить личное оружие, предоставить медикел помощь и хороший питание.

Старичок с грохотом скинул остатки башни, вытянул из углубления пьедестала что-то напоминавшее перевернутую серебряную салатницу и, отскочив к стене, нажал на какой-то выступ. Часть пола ушла в сторону. Американцы, услышав грохот от упавшей конструкции, опять начали сумасшедшую стрельбу, а старичок нырнул в открывшийся люк, обернулся и поманил Казимира за собой. Тот наблюдал за ним широко открытыми глазами. В этот момент

огонь прекратился, и сквозь проломы опять замаячили бегущие к пагоде люди. Казимир аккуратно положил «лимонку» с толовой шашкой у края люка и нырнул вниз.

Его выпустили только в 1956 году. У ворот зоны его ждала «Победа», в которой блестели генеральские погоны. Костров выгнал водителя и разлил армянский коньяк по массивным хрустальным стопкам.

– Ну, Пушкевич, поумнел? Это ж надо было додуматься – из секретного рейда приволочь за собой корейского монаха.

Казимир усмехнулся, а Костров, кинув в рот пластик специального ротфронтковского шоколада, продолжил:

– Ладно, подполковник, этот твой идиотизм сегодня нам изрядно помог. Слишком нелепо для американского агента таскать за собой бандеровца, мочить уголовников на улицах и якшаться с корейскими монахами. Короче, ты реабилитирован, но под подозрением, учти... – Он сделал паузу и, лихо опрокинув стаканчик, закончил: – У меня в отделе есть должность как раз по тебе.

– А если я не хочу?

Костров уставился на него тяжелым взглядом. Казимир залпом вылил в себя коньяк и зло заговорил:

– Ты знаешь, с какими людьми я сидел, Костров?.. Профессор медицины, архитектор, историк, металлург. Ты знаешь, какие здесь ножи делают? А ты видел операцию трахеотомии, сделанную обожженной щепкой? Что происходит с нашей страной, если такие люди сидят?

– А ты стал опасным человеком, Пушкевич. – Костров налил себе еще коньяку и залпом выпил. – Никогда, запомни, *никогда* больше не задавай таких вопросов. А насчет твоего желания... Не думай, что со смертью Сталина в нашей системе что-то изменилось. Отсюда, – он кивнул на маячивший за окном забор зоны, – для таких, как ты, всего два пути: либо обратно, либо в вечную мерзлоту. И радуйся, что при всех этих пертурбациях первый путь открылся. Через несколько лет все вернется на круги своя, и опять останется только вечная мерзлота.

Казимир задумчиво потер небритый подбородок.

– Ты ведь на меня поставил, Костров? Если я не соглашусь, то ты влетишь, ведь так?

Костров криво усмехнулся.

– Где кореец, генерал?

– Ты что думаешь, что я...

– Именно, Костров, именно... – Он сделал паузу и спросил, криво усмехнувшись: – Тебе никогда не приходило в голову, почему я тебя ни разу не сдал, не подставил, не подсел? Ведь не от большой любви?

– Мы же с тобой с войны...

– Брось, – жестко рубанул Казимир, – я для тебя всю жизнь был лишь надежной ступенькой, которая бесперебойно подбрасывала тебя к новой должности, званию, ордену, и ничего больше. А я... я прекрасно знал, что ты дерьмо.

Он замолчал, в машине на несколько мгновений повисла мертвая тишина. Потом Костров, сгорбившись, потянулся за бутылкой, налил еще, выпил и повернулся к Казимиру:

– Ну и почему?

Казимир повторил его движения и, проглотив содержимое стопки, ответил:

– Просто ты – мое дерьмо. У меня были слишком умные родители и слишком талантливые учителя, чтобы мне нравилось все то, что творится в нашей стране. Хотя, пока я стараниями наших друзей не попал сюда, я о многом не догадывался. А тыходишь в круг людей, с которыми мне волей-неволей приходится общаться, и если тебя скинут, то придется привыкать к другому дерьму. А это более неприятно, чем общаться с тобой.

Костров окинул его ненавидящим взглядом.

– А кореец-то тебе зачем?

– Просто, кроме дерьма, хотелось бы, чтобы рядом был хотя бы один нормальный человек, а корейцу я обязан жизнью. Так что... я полечу в Москву на твоём самолёте, генерал, но ты уж постарайся.

– А если он умер? – В голосе у Кострова сквозила безнадега.

– Костро-о-ов, – иронично протянул Казимир, – а оно тебе надо: экстумация, экспертиза, поддельные дела, протоколы? Это ж ведь не Валленберг, посадите его к толпе каких-нибудь буддистских монахов из Бурятии, а потом реабилитируйте всем скопом, и всего делов.

Когда Казимир вернулся из первой командировки, в его комнате пахло вареным рисом и хе, у окна сидел как будто совсем не постаревший Люй, а на доставшемся в наследство от прежних хозяев комоде аккуратно лежала вещица, похожая на перевернутую серебряную салатницу, оказавшаяся тем самым Белым Шлемом, в честь которого была построена пагода.

В шестьдесят втором Казимир женился. Все произошло быстро и неожиданно. После войны стандартным набором развлечений для офицерского круга были карты, водка, женщины. При том дефиците мужиков и относительной зажиточности людей в погонах все это было легко, доступно и быстро надоедало. Тем более в карты Казимир всегда выигрывал. Он помнил всю колоду по рубашкам уже после третьей раздачи. Пьянел он очень медленно и без кайфа, а общаться с пьяными мужиками будучи почти трезвым... А женщины... В конечном счёте одна повторяла другую с точностью сестер-близняшек.

Тамара ворвалась в его жизнь как ураган. Она была младшей дочерью крупного дипломата и выросла в Индии. Ещё подростком она увлеклась тантрическими культами. После окончания института защитила кандидатскую диссертацию по буддизму и с помощью отца укатила в Индию собирать материал для докторской, но вскоре была уличена в том, что под видом сбора материала принимала участие в тантрических оргиях. Ходили слухи, что дело было не столько в этом, просто один из тех всевластных людей, которые и решали судьбу совслужащих за границей, вознамерился затащить её в свою постель, а она ответила, что сама выбирает, с кем спать, а он у неё вызывает только позывы к рвоте. Причём заявлено это было на приеме в советском посольстве при большом скоплении народа. Разразился крупный скандал. Несостоявшегося любовника отозвало родное ведомство, папашу быстренько выгнали на пенсию, дочку вернули и сделали невыездной, а кроме того, выжили с работы. Когда Казимир встретился с ней на одной из вечеринок московского бомонда, ему нашептали, что это – «шикарнейшая шлюха, мужиков заставляет на стенки кидаться, нигде не работает, но живет неплохо». Подобные дамы его не привлекали. Он в своих бесконечных командировках успел попробовать всяких женщин: от черных рослых африканок, до краснокожих хрупких индианок – и, как он считал, женщины теперь интересовали его только с точки зрения экзотики. Однако к концу вечера она сама подошла к нему:

– Здравствуйте, Воин, я давно мечтала с вами познакомиться.

Казимир удивился, до сих пор его так называл только Люй.

– А почему Воин?

Она рассмеялась, и он почувствовал, как от её смеха у него пошли мурашки по коже.

– Но это же ваша сущность, и не пытайтесь от меня скрыться, бесполезно. Мы созданы как две части единого целого.

Из толпы вывернулся какой-то солидный мужчина в прекрасно сшитом костюме и, бросив неприязненный взгляд на Казимира, капризно спросил:

– Куда ты пропала, дорогая? Пойдем, машина ждет.

Тамара, не отрывая взгляда от Казимира, резко качнула головой.

– Отстань, я ухожу от тебя. К нему. Я согласилась пойти сюда с тобой, только чтобы встретиться с ним, и за это я тебе благодарна. А теперь уходи.

Мужчина ошарашенно разинул рот, а Казимир, преодолевая какой-то внутренний протест, сухо сказал:

– Извините, я привык сам решать, с кем мне встречаться, а с кем нет, – и, слегка кивнув, вышел.

Через неделю она пришла к нему домой. Люй, никогда и никому не открывавший дверь без предварительного звонка, без звука впустил ее в квартиру. Когда Казимир вернулся домой, она сидела, поджав ноги, на диване в его кабинете и разглядывала коллекцию оружия, развешанную на стене и наваленную на стеллажи.

– Здравствуй, Воин, как видишь, я была права. – Она указала пальчиком на сверкающие предметы убийства и спросила: – А что из этого самое смертоносное?

– Человек.

Она довольно улыбнулась.

– А ты философ?

– Нет, – Казимир покачал головой, – реалист. Обученный человек может убить тарелкой, подушкой, голыми руками, наконец. Неумелый со всем этим арсеналом только порежется.

Она встала, провела рукой по ножу-кхукри, индийской чакре, потом повернулась.

– Ты все это привез?

– Большую часть – нет, сделал по запомнившимся образцам.

– И всем этим умеешь пользоваться?

Казимир раздраженно поджал губы. Он не любил, когда кто-то посторонний узнавал о его «невинных» увлечениях.

– Более или менее.

Женщина усмехнулась.

– А ты разносторонний человек. – Она подошла к книжным стеллажам, провела пальцами по корешкам. – Макиавелли, Тарле, о, Кейнс! А это что, «История мостостроения»? Фантастика! Никогда не думала, что старшие офицеры КГБ интересуются подобными вещами, – она повернулась к Казимиру, – ну ладно, у меня есть для вас сюрприз, принесите бокалы.

Он прошел на кухню и рявкнул на Люя:

– Зачем пустил? Баб мне дома не хватало!

Люй покачал головой.

– Она – шакти. Кто я такой, чтобы противиться ее воле?

Когда он вернулся в кабинет, ее там не оказалось. Казимир посмотрел в столовой, постоял, прислушавшись, в коридорчике, потом осторожно заглянул в спальню. Она сидела на ковре у кровати, обнаженная, в позе лотоса. Перед ней горела какая-то пахучая свеча и стоял сосуд с рубиновой жидкостью. Казимир попытался прикрыть дверь, но она позвала его голосом, от которого у него все встало дыбом:

– Иди же ко мне, Воин, сегодня звезды благоволят нам.

Через месяц они поженились.

А через пять лет ее убили. Она была на втором месяце, когда ее затащили в машину молодые сластолюбцы из московской «золотой молодежи» и отвезли на чью-то отцовскую дачу. Костров, помня о Владивостоке, распорядился, чтобы до Казимира не дошло ни буквы из реальных фактов – все представили так, будто ее сбила машина, но Казимир докопался. Два года после этого он тщательно устанавливал и перепроверял имена тех, кто был на даче, а потом уехал в отпуск на Валдай. В течение одной недели все, повинные в смерти Тамары, были жестоко убиты. Когда Казимир появился на работе, Костров сумрачно покачал головой, но ничего не сказал.

Когда «ушли» Кострова, Казимир решил, что пришла и его пора собирать вещи. Однако все произошло по-другому. Новый начальник управления вызвал его в первый же день. После вежливых фраз, которые маскировали напряженную работу мозговых извилин, новый начальник вдруг выудил из сейфа бутылку английского джина и, показывая степень осведомленности, разлил два бокала.

– Не будем нарушать традиции.

Казимир молча кивнул и немного расслабился.

– Знаете, Казимир Янович, когда рассматривался вопрос о моем предшественнике, я сделал все возможное, чтобы он ушел с наименьшими потерями, но не из-за него...

Казимир держал паузу.

– Из-за вас.

Казимир поставил стакан на стол и поднял глаза.

– Чем обязан такой чести?

– Бросьте, вы все прекрасно понимаете. В вашей... вернее, в нашей структуре работают семнадцать оперантов вашего уровня. За последние десять лет мы имеем девятнадцать операций. Из них девять проведены со стопроцентной эффективностью, три с частичной, остальные провалены. Все девять успешных проведены вами.

– У тех семи были объективные причины, материалы разбора есть в архиве.

Начальник рассмеялся:

– Да, и это тоже есть в вашем психопрофиле. Знаете, как это обозвали наши психологи – «рыцарский комплекс». Вы остаетесь верны даже такому подонку, как Костров, и толпе бездарностей, если считаете себя частью команды.

Казимир усмехнулся:

– А вы считаете себя лучше Кострова?

Начальник прервал смех:

– А вы?

Казимир вдруг почувствовал какую-то тупую усталость и выдал такое, от чего сам оторопел:

– Нет. Я с ним из одного дерьма, и плевать на то, что я влез в него по молодости и глупости. Я давно не верю ни в библейские заповеди, ни тем более в моральный кодекс строителя коммунизма. Я, как и вы, убивал невинных, пытал женщин и сжигал деревни и особых угрызений совести не испытываю, поскольку дрался с врагом, который поступал не лучше. Но кое-какие принципы я для себя определил давно, когда начал понимать, кто я и что делаю.

Начальник суетливо бросил взгляд на статуэтку Дон-Кихота, в которой, как знал Казимир, был спрятан микрофон, но потом облегченно вздохнул и, демонстративно отодвинув ее в сторону, показал два обрезанных провода. Однако поспешил перевести разговор на другую тему:

– Знаю: «держи себя в кулаке».

Казимир покачал головой.

– И это раскопали.

– Да нет, сам Костров рассказал, только сумбурно. Не можете ли повторить?

– Что ж, большой палец – не прощай врагов, указательный – имей друзей, средний – не испытывай сожалений о том, что сделано, безымянный – меньше ври, мизинец – сумей достойно умереть. Но в общем-то это бравада, я сам принципы эти неоднократно нарушал, особенно последний.

– Все равно, когда человек даже просто формулирует что-либо подобное, это о многом говорит. – Начальник несколько мгновений помолчал. – Я знаю, вы публикуетесь. Сколько у вас работ?

– Не знаю, не считал, где-то около семидесяти.

– И в каких областях?

– Тактика, история, металлургия, материаловедение, психология, страховое дело, международное и морское право, экономический анализ... Но к чему эти вопросы, я не верю, что в моем личном деле нет полного перечня.

– Есть, но просто перечисление, а мне хотелось бы поточнее разобраться с кругом ваших интересов. – Он поднял на Казимира испытующий взгляд и, заметив, что тот демонстративно бросил взгляд на часы, добродушно усмехнулся: – Вижу, вы торопитесь, но если не возражаете, то я хотел бы позже продолжить разговор.

Казимир кивнул и поднялся.

– Разрешите идти?

– Да, пожалуйста.

В семьдесят девятом Казимир вышел в отставку. Он принципиально отверг несколько предложений по прежнему профилю деятельности и устроился консультантом в издательство. Деньги ему были особо не нужны, хватало полковничьей пенсии. Доступ к спецраспределителю тоже остался, так что он хотел заняться чем-то для души. Он успел заочно получить звание почетного доктора в трех зарубежных университетах, которые считали его кто крупным невыездным ученым, занимающимся военными разработками, а кто диссидентом, скрывающимся от КГБ и потому публикующимся через третьи руки и под псевдонимом. Так что в издательство он пошел, скорее, для того, чтобы не особо маяться бездельем и иметь доступ к самым свежим новинкам. А через три года умер Люй. Он умер в день и час, который выбрал сам. Он сходил в парикмахерскую, постригся, тщательно вымылся, переделся в чистое, взял Белый Шлем, подошел к Казимиру и сказал:

– Мне пора, когда будешь умирать, надень это.

Казимир не сразу понял, что он сказал, непонимающе посмотрел на Шлем и тупо спросил:

– Зачем?

Луй сунул Шлем ему в руки, сказал:

– Предопределено, – вернулся в спальню, лег на кровать и умер.

Казимир похоронил его на маленьком буддистском кладбище у свежестроенной сангхи. Когда он вернулся домой, Белый Шлем тускло поблескивал на кружевной салфетке рядом с трофейными декоративными тарелками, которые он привез из Германии. Казимира будто что-то потянуло к нему. Он взял Шлем и покрутил его в руках. Как-то, когда он достал Люя своими вопросами, тот скупно рассказал ему обрывок легенды, относящейся к Белому Шлему. Там было что-то о Змее миров, одной из чешуек которого и является Земля, о большой доске для игры в го, на которую боги вместо костей и камешков бросали людей, о великих воинах, чьим предназначением было странствие по чешуйкам Змея миров, а Белый Шлем был тем стаканчиком, в котором боги шелестели выбранными костями – судьбами, – прежде чем бросить их на доску. Короче, обычная восточная дребедень, которая именно сегодня вдруг показалась Казимиру странно значительной. В это мгновение Казимира пронзила мысль, что его больше ничто не держит на этой земле и почему бы ему не отправиться вслед за Люем, тем более что в одной из ваз лежал именной ТТ. Но Казимир невольно вздрогнул и торопливо отложил Шлем, будто именно этот предмет навел на него такие мысли, а потом повернулся и вышел из комнаты.

Однажды к нему в дверь постучался шустрый молодой человек и предложил продать квартиру в обмен на полное обеспечение до конца жизни. Казимир печально улыбнулся и ответил, что привык сам заботиться о себе. На следующий вечер к нему в подъезде подошли три мордоворота и предложили «не ломаться». Казимир вежливо выслушал, потом сломал двоим из них берцовые кости, а самому наглому выдавил глаз. Через четыре дня его подстерегли в подъезде и «вырубили» ударом по голове. Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит крепко связанный в своем кабинете, а у его стеллажей с оружием толпились какие-то мордовороты и один говорил другому:

– Ну дает печатник, то-то он наших вырубил.

Казимир шумно вздохнул и сплюнул кровавую пену. Парни обернулись, и один крикнул в коридор:

– Очухался.

Через несколько мгновений в кабинет вошли еще трое. Один из них выглядел более развитым и держал в руках его пенсионное удостоверение.

– Да-а, Казимир Янович, доставили вы нам хлопот, ну и мы хороши, собирались прижать простого типографского служащего, а нарвались на полковника КГБ. – Он присел на край диванчика и, разведя руками, заинтересованно спросил, будто продолжая некий давно тянувшийся разговор: – Ну и что будем делать?

Казимир посмотрел на рубашку, шевельнулся и вскрикнул от боли.

– Развяжите, – сказал он, отдышавшись.

– Зачем? – нагло поинтересовался собеседник.

– Как я понял, вам нужна моя квартира?

– Ну она уже наша – все чин чинарем, подписи, печати.

– Ерунда, – Казимир поморщился от боли, – вы же знаете, что она не приватизирована.

– Ну это для нас не проблема...

– Нет, проблема, пока она находится в ведении управления делами нашей службы.

Собеседник удивленно посмотрел на него, потом нахмурился.

– И что вы можете предложить?

– Развяжите.

Тот кивнул одному из мордоворотов. Через несколько мгновений Казимира грубо подняли и перерезали веревки. Когда перед глазами перестали плавать красные круги, Казимир осторожно поднялся и, держась за стенку, подошел к серванту. Минуту передохнув, он опустил руку в большую вазу и достал именной ТТ. Двое дернулись, но пистолет бухнул дважды, и оба рухнули на том месте, где стояли. Главный сипло прошептал:

– Ты че, дед, тебя ж посадят?

Казимир грустно усмехнулся:

– У меня отбиты почки, сломаны два или три ребра, и одно из ребер пробило легкие, я уже не жилец.

Он захлебнулся кашлем, и в этот момент один из мордоворотов бросился к двери. Если бы он бросился на него, у одного из двух оставшихся был бы шанс, а так... Когда все было кончено, Казимир сполз по стене. «Неплохая смерть, – подумал он, – на поле боя, в окружении трупов врагов, но Люй бы не одобрил». Подумав о Люе, он поднял глаза и припомнил его странную просьбу. Шлем лежал на том же самом старом комоде. Сил преодолеть комнату еще раз не было, но Казимир, стиснув зубы и почти теряя сознание, протащился по стене до комода и натянул на голову металлический колпак. Удивительно, но боль ослабла. Он с удивлением припомнил, что никогда не видел, чтобы Люй что-то делал со Шлемом. Разве что пыль с него стирал. Дышалось тяжело. Легкие были забиты кровью. «Уже скоро», – подумал Казимир и откинулся к стене. Последней его мыслью было: «Глупо выгляжу... В салатнице...»

Казимир судорожно сглотнул и закашлялся, на языке остался привкус соленой воды. Он приподнял веки и тут же опять зажмурился – в глаза било яркое солнце. Нахлынула очередная волна. Казимир плотно сжал губы и перекатился подальше.

– Ну, ты, к-к-козел г-горный, хватит р-р-разлеживаться, дуй 3-3-за вином.

Язык был явно не русский. Казимир свободно общался на польском, немецком, французском, английском и испанском. Понимал еще дюжину и мог узнать еще два десятка языков и диалектов, этот не был похож ни на что. Певучие гласные и резкие, звонкие согласные. Он открыл глаза и посмотрел в сторону, откуда доносился голос. Десяток человек, одетых в набедренные повязки или юбочки из какого-то тряпья, валялись на песке. В голове всплыло, что это гряда Одноглазого, они жили тем, что разгружали корабли в порту Тамариса, и, как всякий портовый люд, тем, что удавалось украсть из пакгаузов и хранилищ.

– Т-т-ты чего, г-г-губастый, припух?

Теперь до Казимира дошло, что это обращаются к нему. Худой как скелет мужик, с культей вместо левой руки, грозно смотрел на него, подкидывая в целой руке каменный голыш. Все, что происходило, могло быть предсмертным бредом, но бред был очень яркий, качественный, реальный, с массой совсем ненужных подробностей.

– Т-т-тебя что, е-е-еще проучить.

Казимир вспомнил, что его послали украсть из ближайшей портовой забегаловки кувшин дешевого кислого вина. Потом до него дошло, что это не его воспоминания. Того, кто помнил это, звали Грон, он был найденышем и жил при груди как мальчик на побегушках. Судя по воспоминаниям и словарному запасу, ему было лет восемь-девять. Казимир осмотрел себя. Это тело принадлежало не ребенку: длинные, мускулистые ноги, широкие плечи, бугры мышц. Хотя во всем этом еще чувствовалась некая незавершенность, но обладателю этого тела было уже, как минимум, четырнадцать. Ну а для такого возраста он был *очень* развит.

– А, п-п-получи.

Казимир уловил бросок и легко присел, отбив рукой летящий в голову голыш. Тело реагировало с некоторой заминкой, будто новенькая, необмятая форма. Казимир... Грон настороженно посмотрел на грудь, оценивая шансы на случай осложнений, худой смотрел на него, разинув рот.

– Н-н-ну, козел, – раздался изумленный возглас.

Груда захохотала.

– Что, Однорукий, уел тебя губастый?

– Д-д-да я ему с-с-сейчас...

– Ладно, кончай. – Крупный чернобородый мужчина с повязкой на одном глазу махнул рукой, и Однорукий, как послушная собачонка, отскочил в сторону и грохнулся на песок. – А ты, нахлебыш, давай быстрее, в горле пересохло.

Грон... черт возьми, это тело не хотело признавать другого имени, несколько мгновений постоял неподвижно, решая, что делать, потом повернулся и двинулся в порт. Отойдя от груди на приличное расстояние, Грон опустился на песок, и тут на него навалилось. Несколько минут он сидел ошарашенный произошедшим. Обычный, средний человек, наверное, ударился бы в панику, стал бы щипать себя за мягкие места, громко возвещать, что этого не может быть, но доминирующая личность Грона, та, что была Казимиром, отличалась большой способностью к адаптации. Оказавшись неизвестно как в незнакомом месте, чужом теле, он первым делом попытался определиться с языком, увернулся от голыша, «прокачал» валявшихся на песке членов груди с точки зрения непосредственной опасности и потенциальных осложнений и лишь теперь, оставшись один и не имея непосредственной угрозы жизни и здоровью, позволил своей психике слегка слететь с катушек. Что в общем-то было нелишне, ибо для homo sapiens образца конца двадцатого столетия принять как само собой разумеющееся факт переселения душ и при этом чувствовать себя абсолютно нормально – вещь невозможная.

Когда немного отпустило, Грон по старой привычке «прокачал» ситуацию: «В плюсах: я жив, я молод, знаю язык и, по-видимому, обладаю знанием массы технологий, которые позволят мне неплохо устроиться; в минусах: я не знаю, кто, где, когда и зачем со мной это сотворил, где я нахожусь, сколько у меня времени и зачем ему это надо». Он немножко покрутил в голове эти немудрящие выводы. Все остальное было из области догадок, сделанных на основе сведений, почерпнутых из научно-популярной литературы и околонуточной фантастики, а он привык работать с несколько более надежными источниками информации. Грон вздохнул, отложил вопросы на потом и двинулся к припортовым забегаловкам.

Покопавшись в воспоминаниях, он понял, что просто зайти и, улучив момент, ухватить кувшин не удастся. Портовые воришки типа Грона давно были известны вышибалам, и попытка проникнуть в любую забегаловку вызывала у Грона неосознанные неприятные ощу-

щения. Потом он представил, какой неприятной неожиданностью окажется подобная встреча для первого же вышибалы, привыкшего видеть в Гроне медлительного, тупого увальня, пару минут потешил воображение и отказался от своего намерения. В любом обществе столкновение людей столь разного социального статуса – уважаемого вышибалы, выполняющего свои оплачиваемые обязанности, и презираемого портового воришки самого низкого уровня – могло закончиться только одним исходом, иначе... Грон вздохнул и решил действовать традиционным путем, который заключался в том, чтобы с неуклюжим грохотом ввалиться в заведение, заграбастать кувшин с ближайшего стола, молясь о том, чтобы он оказался не совсем пустым, и, получив штатную долю пинков и затрещин от посетителей и вышибалы, выбраться обратно. В этом случае он расплачивался за вино своими боками и устраивал для посетителей забегаловки что-то вроде выступления, за что ему милостиво позволялось унести кувшин.

Когда он приволок почти полный кувшин, груда встретила его недовольным ворчанием. Одноглазый зло сплюнул, взмахом руки оборвал бормотание и рявкнул:

– Ты, сын ишака и черепахи, где так долго шлялся?

Грон позволил телу отреагировать привычным бормотанием, потом подобрал брошенный кусок плесневелой лепешки и с огромным трудом удержался от того, чтобы не вцепиться зубами в облепленный песком ломоть. Пока рука нехотя счищала песок, подрагивая от нетерпения, вызванного воплем пустого желудка, Грон анализировал ощущения. Первичное сознание обладало крайне скудными мыслительными способностями, поэтому сознание Казимира Пушкиевича без проблем заняло доминантное положение в мозгу. Но примитивные функции и условные рефлексы типа реакции на имя, чувство голода, нежелания получать пинки и затрешины в забегаловке пока не сдавались. Грон быстро закончил с лепешкой и поймал себя на том, что смотрит голодными глазами на жующую груду. Меньше его в груде получал только Фанер-арфист, но тому уже было сто лет в обед, да и размеры его составляли едва четверть от Грона. Он с трудом отвел взгляд в сторону.

– Гляди-ка, а наш теленок не наелся!

Память Грона услужливо подсказала образ говорившего. Это был плотный высокий мужчина по прозвищу Акула-молот, все свободное время уделявший изобретению очередных издевательств. Он был чертовски силен, и, будь он чуть посдержаннее, их груда давно могла бы называться грудой Акулы, но Одноглазый, как умелый политик, сумел использовать гнусные наклонности Акулы для нагнетания страха перед ним, так что молчаливое большинство решило, что Одноглазый для всех удобнее. После двух попыток установить свою власть, закончившихся тем, что Акулу била вся груда скопом, он еще больше обозлился и сосредоточил свое внимание на самых безответных, к коим относились Грон, Фанер-арфист и еще пара убогих. Остальным перепадало намного реже, только когда Акула входил в раж.

– Ну ты, сын коровы, если ты такой голодный, почему бы тебе не сожрать свою ляжку?

Груда оживилась, Акула придумал новое развлечение. Грон почувствовал, как тело начинает мелко дрожать. Это опять была реакция сродни условному рефлексу. «Ну ладно, – подумал он, – все равно рано или поздно придется менять социальный статус, почему бы не сейчас?» Он поднялся на ноги, усилием воли унял дрожь и попытался сгруппироваться.

– Ты смотри, теленок-то прыгучий. – Акула обрадованно двинулся к Грону – бить лежащего было скучно, а сейчас оказалось, что развлечение приобретает признаки какого-то разнообразия. – Так как насчет ляжки? – Он замахнулся и ударил открытой ладонью по уху.

Грон попытался поставить блок и... очутился на песке в позе младенца, закрывая голову обеими руками. Тело опять среагировало привычно. В бешенстве он отвесил себе оплеуху. Потом, все еще трясаясь, поднялся на ноги. Казимир был невысоким, но быстрым и подвижным, его массы никогда не хватало, чтобы наносить убийственно сильные удары, поэтому он был вынужден стать точным. Теперь же он был заперт в теле увальня с мышцами молодого Джо Вейдера, реакцией улитки и рефлексамися зайца и черепахи. Короче, полное дерьмо.

– Ты смотри, наш теленок решил начать со своих отвислых губок, а как насчет ляжки, а, губастенький?

Грон опять очутился на песке, однако на этот раз его падение хоть и выглядело гораздо более неуклюже, но произошло отчасти под его контролем. Акула быстро входил в раж, он все сильнее бил Грона, пинал ногами и наконец согнул его шею и прижал губами к вывернутой ляжке.

– Куси!

Груда, активно подбадривающая Акулу криками, столпилась вокруг с горящими глазами.

– Куси, губастенький, а то шею сверну.

И в этот момент Грон почувствовал, что тело прекратило трястись. Страх исчез, осталась только боль, сосуды лопались от адреналина. Тело теперь подчинялось только ему. Он чуть повернул голову и вцепился зубами в толстый, короткий, заросший жесткими волосками и ужасно грязный палец Акулы. Акула заорал и от неожиданности выпустил Грона, который перекатился в сторону и, поднявшись на ноги, встал в свободную стойку.

– Ну, сын медузы и собаки... – Акула задохнулся от возмущения и, не закончив фразы, ринулся в атаку.

Грон позволил ему сделать два шага, набрать скорость, а на третьем ударил его ногой в лоб, с разворота. В то мгновение, когда нога коснулась лба Акулы, он понял, что не рассчитал, к массе этого тела он еще не привык, удар получился слишком сильным. Голова Акулы резко откинулась назад, позвонки хрустнули, и он мешком рухнул на песок.

Несколько мгновений стояла полная тишина. Потом двое прихлебателей Акулы – Багра, здоровенный чернявый горгосец, и Умас, по прозвищу Бритый Венет, что являлось для добропорядочного последователя бородатого бога Фазара, отца овец, венцом падения, – бросились на Грона. Все случилось слишком быстро, и до окружающих не дошло, что с «губастым» произошли крутые перемены. Пока все казалось случайностью, и Багра с Умасом горели возмущением: «Да как он посмел?..» Грон прыгнул навстречу горгосцу и, поймав на коленный блок ступню, зажал ее в подколенную ямку между голенью и бедром, следующим движением вывернул согнутую ногу, заставив Багру упасть на песок, потом рухнул поверх него и прокатился по лежащему телу, стараясь воткнуться в него всеми выступающими костями: локтями, подбородком, лопатками, коленями... Подобный прием редко приводил к смертельному исходу, но после него человек не мог подняться без посторонней помощи и несколько дней чувствовал себя выплунутым мясорубкой. Умаса он успокоил осторожным ударом в горло. Когда на песке оказались три распростертых тела, груда ошарашенно замерла. Грон поднялся, отряхнул песок и, подняв глаза, уперся в яростно блестящий взгляд Одноглазого. Груда, столпившаяся вокруг, внимательно наблюдала за ними. Одноглазый, увидев, как Грон справился с тремя самыми сильными членами груди, ждал, что нахлебый теперь бросит вызов ему. Грон быстро «прокачал» этот вариант и решил, что столь резкое изменение статуса ему ни к чему, поэтому, порывшись в памяти, он опустился на колени перед Одноглазым и, склонив голову, откинул с шеи грязные, спутанные пряди. Одноглазый отшатнулся было от резкого движения, но затем, увидев позу покорности, шумно выдохнул, после чего, по традиции, лупанул ладонью по шее и отвернулся.

– Ну что уставились, рыбье говно? Лунар и Урс, это, – он брезгливо ткнул рукой в сторону трупа, – отволочь храмовым псарям, возьмете на обмен бараньей требухи. – И, бросив на Грона косой взгляд, Одноглазый неторопливо отправился к выцветшему куску венетского ковра, уже не первый год служившего тронем хозяину груди.

Грон спокойно поднялся, подошел к кошме, раньше принадлежавшей Акуле, и, растянувшись во весь рост, сунул в рот кусок вяленой рыбы, на которой еще были видны следы зубов прежнего хозяина. Маленький переворот завершился, пора было думать о том, как наиболее успешно использовать его результаты.

Яркая луна стояла в зените. Мелкий неприметный человечек с серыми глазами выскользнул из-под сводов полуразрушенного портика и внимательно обвел глазами заросли, окружающие небольшую площадку перед пещерой. Вроде бы никого. Он осторожно двинулся вперед, стараясь не пересекать ярко освещенные луной участки, и скрылся в проеме пещеры. Пройдя около сорока шагов, он остановился, достал из большого кошель, висевшего у него на поясе, два мешочка и две деревянные лопаточки, высыпал несколько щепоток порошка из каждого мешочка на пол пещеры и, спрятав мешочки с лопаточками обратно, отступил назад и длинной веткой смешал порошок. Из получившейся кучки раздалось шипение и начал подниматься дымок, потянувшийся в сторону входа. Человечек отпрянул и быстро пошел в противоположную сторону. Через несколько десятков шагов впереди обрисовался светлый прямоугольник с полукруглым верхом, еще несколько шагов – и он вышел на идеально круглую площадку, мощенную мраморными плитами. Пещера оказалась сквозной. Он остановился и оглянулся на выход, оформленный как арка. Магические порошки еще полчаса будут выделять смертельный газ, и никто из тех, кто мог бы следовать за ним с тайными целями, не сможет пройти пещеру, наполненную смертью. Человечек прекрасно знал, что вечерний бриз не даст этой смерти повернуть в сторону площадки, но все-таки поежился, вспомнив, как выглядел один из соглядатаев систерарха, попытавшийся последовать за ним в тайное место, подобное этому. К тому же стоило поторопиться. Скоро вечерний бриз может смениться утренним, а площадка была слишком мала, чтобы чувствовать себя в полной безопасности даже в самой дальней от входа точке. Он быстро развязал кошель и вынул оттуда что-то напоминающее широкое блюдо или, скорее, чашу на короткой и широкой ножке. Поставив чашу в центр площадки, он достал еще несколько предметов необычной формы и осторожно вставил их в отверстия в ножке чаши, потом вынул длинный серебряный шип и, произнеся священную формулу, воткнул его в центр чаши. Некоторое время ничего не происходило, потом из центра чаши начало вырываться синее свечение, которое сгустилось и приняло вид сначала конуса, потом цилиндра, совершенно скрыв шип. Наконец свечение вздрогнуло и стало прозрачным, явив фигуру стоящего человека в длинном парчовом хитоне и мантии, с витым серебряным обручем на голове. Человек недоуменно повел глазами:

– Кто вызвал меня?

Человечек чертыхнулся про себя и, шустро порывшись в кошель, вытащил наружу что-то напоминающее небольшую шкатулку и поставил перед собой.

– Это я, брат Эвер из Тамариса.

Человек нахмурился, но ответил тоном спокойным и величественным:

– Слушаю тебя, брат.

Человечек торопливо заговорил:

– Два дня назад, рано утром, Страж выкрикнул предостережение.

Человек подался вперед. Его глаза лихорадочно вспыхнули. Он хрипло выдохнул и произнес:

– Говори.

– К сегодняшнему вечеру я установил, что водонос из квартала ткачей вдруг выгнал из дома жену с тремя детьми и, продав дом, нанялся на корабль, идущий в Горгос. Сын купца Таяла оставил лавку отца и поступил в школу строителей при храме, где в первый же день поразил учителей своими рассуждениями об основах геометрии. Младший жрец в храме Сама и Ома украл кружку с дневными пожертвованиями и исчез. Говорят, его видели на ситаккской галере. Первосвященник пригласил для беседы Толкователя устами и Второго смотрителя священного огня втайне от верховных жрецов Сама и Ома. И есть еще несколько необычных случаев: кузнец, мальчишка в груди портовой швали, матрос с элитийского купеческого судна.

Человек коротко кивнул.

– Кто же?

Человечек поежился под его пристальным взглядом.

– Я пока не знаю, Хранитель.

Хранитель сумрачно кивнул.

– Что ж, судя по всему, у тебя еще есть время. Ты знаешь, что делать, но смотри не упусти его.

Человечек опять поежился.

– О да, Хранитель, я знаю.

Хранитель еще несколько мгновений пристально смотрел на человечка, потом кивнул и исчез. Над чашей вновь висел голубой цилиндр. Человечек протянул руку, коснулся одного из магических предметов, и чаша погасла. Он проворно собрал все в кошель, вскочил на ноги и направился ко входу в пещеру. Дойдя до места, где он смешал порошки, брат Эвер остановился, достал из кошелька камень, ярко светящийся во мраке пещеры густым бордовым цветом, и бросил его вперед. Камень упал на пол и слегка потускнел, продолжая, однако, по-прежнему светиться бордовым. Это означало, что невидимая смерть, заполнявшая пещеру, уже покинула ее, но некоторые следы еще оставались. Человечек отступил на несколько шагов, глубоко вдохнул и, задержав дыхание, бросился вперед, на ходу подхватив камень с пола. Когда он выбежал на поляну, луна уже скрылась за ветвями деревьев. Он пробежал всю поляну и остановился только на дальнем краю, судорожно выдохнув воздух и жадно втянув его вновь. Человечек оглянулся. На поляне темнело несколько странных пятен, это были трупики летучих мышей и птиц. Он подумал, что надо бы подобрать их и выбросить в море. Но потом представил, как будет брать плоть, расплзающуюся в руках, и, содрогнувшись, повернулся и пошел прочь. К утру от трупиков останутся только косточки, а с него на сегодня достаточно. И будь он проклят, если рискнет еще раз воспользоваться этой дьявольской штучкой, до того как будет готов предстать перед Хранителем с докладом о том, что выполнил свою задачу. Человечек удрученно покачал головой, вытер выступивший на лбу пот и, поежившись, двинулся вниз по склону. Ну почему, когда боги сбросили душу Измененного, она упала именно на его придел?

– Оокона – обитаемый мир, это наросты грязи на спине гигантской морской черепахи. Она плавает по Бескрайнему Океану и ест большую белую рыбу. Иногда она заглатывает слишком большой кусок, и тогда ее живот пучит, и она трясется и пускает газы, но потом все опять становится на свои места. Но однажды она съест рыбу и нырнет за новой, и тогда воды Бескрайнего Океана смоют грязь, и только те, кто будет угоден богам, или те, кого сохранят духи предков, смогут удержаться на поверхности и дать жизнь новым поколениям. – Фанер-арфист облизал пересохшие губы и отпил большой глоток из кувшина. – Так уже было, и, как считают мудрые заггры, скоро черепаха нырнет опять.

Грон приподнял веки – после сытного ужина не хотелось двигаться. Это тело странным образом продолжало мелко пакостить где только можно, вот и сейчас он, не заметив, как это произошло, нажрался так, что казалось, еще кусочек, и мясо полезет из ушей, но отголоски преданий о Всемирном потопе и конце света со Страшным судом странным образом перекликались с мифами его памяти.

– А как давно ныряла черепаха?

– Заггры говорят, что последний раз она ныряла почти тысячу лет назад, точно никто не помнит, но священное число заггров 1077. Они считают, что было пятьдесят погружений, но их книги описывают только три.

– Что? – С Грона слетела вся дрема. – Ну-ка давай подробнее.

Фанер-арфист удивленно посмотрел на него:

– Господин мой, но об этом знает любой водонос. – Однако, наткнувшись на сердитый взгляд Грона, поспешно продолжил: – Все народы – порождения своих богов: на севере – эли-

тийцы, их породили Эор и Энолла, воплощение луны и солнца; на востоке – венеты, дети Фазара, все двенадцать венетских колен считают своим отцом Фазара – отца овец, а вот мать у каждого рода своя, старейшими считаются Балили-вода и Могони-буря на западе – горгосцы, их боги: Щер, Зугар и Магр – это Гром, Молния и Смерть; на юге – Отец-змея. На островах свои боги. В славном Тамарисе это боги-близнецы Сам и Ом, каждый из них поселил своих детей на берегу одной из гаваней города. На восточной, – он кивнул в сторону моря, – живут дети Ома, а на западной, – он повернулся к береговой гряде, – дети Сама, а посередине стоит храм, в котором...

– Мне начхать на этот храм, – не сдержался Грон. – Кто такие загтры и откуда они знают, что черепаха ныряла пятьдесят раз?

Фанер-арфист некоторое время испуганно смотрел на него, потом осторожно отодвинулся.

– Загтры – это толкователи завета. Они ведут Книгу Мира и сохраняют заветы предков. Каким бы богам ни поклонялись народы, среди них всегда есть загтры.

Грон возбужденно потер переносицу, появилась какая-то ниточка.

– А как они друг с другом связаны?

– Кто? – не понял Фанер-арфист.

– Загтры.

– Их учат при храмах.

– Да нет, – Грон досадливо поморщился, – я говорю о загтрах разных народов.

Фанер-арфист отрицательно покачал головой.

– Никак, господин, они не жрецы, они не служат богам, не толкуют их знаки, они пишут Книгу Мира и ищут в прошлых списках толкования знаков, посылаемых предками. Ибо боги вершат судьбами только великих людей мира, тех, кто правит народами, остальных опекают предки.

– А где можно посмотреть Книгу Мира?

Фанер испуганно замахал руками.

– Я не слышал этого, о достойнейший из ушедших, я не слыш...

– Заткнись, – рявкнул Грон, – заткнись и немедленно отвечай на мой вопрос, а то ты сейчас же присоедишься к предкам.

Фанер, дрожа всем телом, наклонился к его уху и зашептал:

– Никто не может видеть Книгу Мира, кроме загтров, и никто не знает, где она. Загтры говорят, что только некоторые из них видели всю Книгу. Каждый загтр записывает то, что видит, и отдает кому-нибудь из собратьев, а тот дает ему свой список, так что рано или поздно списки попадают к посвященным и переносятся в Книгу, но кто из них посвященные, не знают сами загтры.

Грон задумался. Такая конспирация была слишком сложна для нехитрых функций загтров. Он уже «прокачал» всю доступную информацию, припомнив и легенду Люя о Змее миров. Судя по всему, он оказался на соседней чешуйке, но если так, значит, существовал кто-то, кто создал Белый Шлем, бог это был или не бог. Кроме того, по каким-то скрытым от него причинам он попал именно в этот мир, а значит, можно было предположить с большей долей вероятности, что, несмотря на кажущуюся дикость и отсталость, в этом мире должен найтись кто-то, кто знает о Змее миров и Белом Шлеме – или как тут у них это называется – гораздо больше, чем было известно даже Люю. И сейчас он подумывал, что эти люди должны были иметь к загтрам самое непосредственное отношение.

– А что еще делают загтры?

Фанер недоуменно смотрел на него. Грон разъяснил, досадливо морщась:

– Ну лечат, помогают при родах, дают советы, как складываются звезды, мало ли что еще?

– О нет, – Фанер даже оскорбился от такого предположения, – кто же может прийти с этим к загграм, они же не жрецы, они ходят по городам и селениям или живут при храмах милостью богов, пока не наберутся сил для дороги, тогда они идут опять. Люди обращаются к загграм, когда приснится какой-нибудь сон или когда увидят знак, скажем, засохнет куст или рассыплется соль. В некоторых селениях заггры живут много месяцев, обманывая доверчивых женщин, пока явно не ошибутся, толкуя чей-нибудь знак. Тогда их изгоняют. Сказать по правде, многие считают их обманщиками и большинство, видимо, ими и являются. Но тех, кто пытается увидеть Книгу Мира, всегда ждет кара, так что среди них есть и могучие маги. Правда, если ты могуч, зачем жить в грязи?

– Эй, прибрежное дерьмо! – Грон повернул голову. Одноглазый торопливо расправлял свою набедренную повязку, рядом стоял запыхавшийся Однорукий. – Кончай пузо греть, караван пришел.

Вся гряда зашевелилась, поднимаясь на ноги, и, торопливо заправляясь, потрусила в сторону порта. Грон смутно припоминал, что сейчас будут драться, хотя слабо представлял за что. У длинных пирсов, сложенных из каменных блоков, уже толпились такие же оборванцы, кучкуясь по своим грядам. Одноглазый притормозил, поджидая отставших, и зло скрипнул зубами, потом на его уродливом лице нарисовалось хитрое выражение, он оглянулся и, заметив Грона, кивнул ему исподтишка. Грон подошел. Одноглазый осторожно скосил глаз в сторону самой большой гряды.

– Видишь вон того, в коламе из дельфиньей кожи?

Грон медленно кивнул.

– Это Тамор, сможешь его вырубить?

Грон минуту разглядывал противника. Тамор был огромного роста, с чудовищными мышцами, покрывавшими все тело как броня, он был обрит наголо, а на черепе темнела наколка – устрашающий дракон. Одноглазый торопливо зашептал:

– Его гряде всегда достаются самые выгодные корабли, мы пришли последними, поэтому на «приблудных» можем не рассчитывать, дай бог получить разгрузку хотя бы одного корабля, а Тамор берет себе всех «приблудных», кроме одного, а этого одного бросает остальным, как кость.

Грон, не поняв, из-за чего столько возбуждения, прикидывал тактику. Такого громилу прямым ударом не пробьешь. Надо думать. Он немного поразмышлял, потом небрежно кивнул Одноглазому и двинулся к Тамору. Через несколько шагов двое из гряды Тамора преградили дорогу:

– Чего надо?

– У меня слово к Тамору от Одноглазого.

Один из преградивших дорогу громко заржал:

– Чего надо этому уроду?

Грон смерил его холодным взглядом и, презрительно растягивая слова, произнес:

– Если бы ты был Тамором, а не результатом пьянки тупого гончара, я бы сказал тебе. – Он почему-то помнил, что этот громила приходил в бешенство, когда при нем упоминали пьяного гончара.

Вся гряда Тамора грохнула, а противник Грона побагровел и рванулся к обидчику.

– Спин, – голос у Тамора был под стать размерам, – тебе не кажется, что он собирался ко мне?

Тот, кого называли Спином, развернулся, дрожа от ярости.

– Тамор! Он... он...

– Все здесь слышали, что он. Но тебе, Спин, придется подождать, пока он скажет мне то, что хотело передать это одноглазое рыбье дерьмо, и только потом он послушает, что скажешь ему ты.

Груда снова заржала. Спин с большой неохотой отступил в сторону, открывая проход. Грон не торопясь двинулся вперед. Тамор с насмешкой рассматривал его.

– Ну, чего надо этой заднице?

– Он предлагает тебе отдать нам всех «приблудных».

Груда, услышав столь наглое предложение, замерла, ожидая немедленной расправы, но Тамор явно был умнее, он подчеркнуто лениво выудил из складки коламы горсть сухих ягод и, бросив их себе в рот, с набитым ртом спросил:

– А если я не соглашусь?

– Ты согласишься. – Грон постарался, чтобы его тон был таким же безразличным, как и у Тамора.

– Тебе не повредит хорошая порка. – Тамор перевел взгляд за спину Грона. – Спин...

– А сам, – перебил Грон, – или пузо болит?

Тамор деланно удивленно приподнял брови, потом усмехнулся:

– Я не бью убогих...

– А так же китов, слонов, акул и всех, от кого можно поиметь хорошую трепку, – ехидно продолжил Грон.

Тамор вздохнул:

– Ну что ж, ты просил. – Мгновенно сжав кулак, выбросил его вперед.

Грон едва увернулся. Последовали еще несколько молниеносных ударов, ни один из которых не достал его. Потом Грона пихнули в спину, и грубый голос заорал:

– Дерись, а не бегай, сын устрицы и улитки.

Грон обозлился. Эх, если бы у него было время наработать хорошую растяжку, ну да ладно. Он качнулся, делая вид, что собирается ударить. Тамор тут же поддался на провокацию. Грон присел и, когда кулак размером с голову Фанера пронесся над головой, изо всей силы хлопнул ладонью по руке Тамора, ускоряя его поворот, и тут же присел и ударил вытянутой ногой по расставленным ногам противника. Когда Тамор рухнул на пирс, окружающим показалось, что произошло небольшое землетрясение. Грон поймал момент падения и, вложив весь свой вес в один удар, врезал пяткой в солнечное сплетение. Любого другого этот удар убил бы, но Тамор только всхлипнул. Грон не теряя времени схватил слабо шевелившееся тело и прыгнул в воду. Погрузив противника с головой, он подержал его так некоторое время, потом схватил за уши и вытянул голову из воды. Тамор судорожно вдохнул, ничего не видя остекленевшими глазами. Грон подгреб к пирсу, подтянул Тамора, зацепил его руку за шершавый камень и выбрался наверх. Через несколько минут Тамор тяжело вылез из воды и сел на пирс рядом с Гроном. Некоторое время оба молчали. Потом Тамор повернулся к своей груди:

– Смойт, передай Одноглазому, пусть ведет свою груду к «приблудным». – Он утер воду с лица и повернулся к Грону. – Почему ты меня не убил?

Грон помолчал, разглядывая воду, потом, услышав, как его груда проходит мимо угрюмо молчащих таморовцев, поднялся и двинулся к своим. Отойдя на несколько шагов, он полуобернулся к гиганту.

– Вот задачка-то, а, Тамор. – Он сочувственно покачал головой. – Думай, ведь все в мире имеет свою причину.

Вечером груда гуляла. Фанер, как обычно державшийся рядом с Гроном, слегка перебрал, и в его тоне, когда он разъяснял Грону суть утреннего спора, сквозила некоторая снисходительность.

– Караван собирают несколько купцов-медальончиков, ну тех, которые платят пошлины. Они нанимают охрану для защиты от пиратов, договариваются с сестрархами порта и базара. У них разгрузка невыгодна: вся охрана на их кораблях и следят, чтобы ничего не украли, платят мало, потому как, если не сошлись в цене, сестрарх собирает пьянчуг из портовых забегаловок и под охраной гонит в порт. А медальонщики, под своей охраной, разгружают корабли. Но с

караваном плывут и «приблудные», это торговцы победнее, на охрану у них денег нет. А на караван пираты не нападают. Вот они и плывут вроде вместе, а по сути, каждый сам по себе. Такие и на нашу цену соглашаются, потому как иначе разгружать некому и украсть можно, станет еще систрарх с «приблудным» возиться, ему медальончики мзду дают. Вишь, сколько добра – и все наше. – И он неверным жестом ткнул в несколько распотрошенных тюков, валявшихся на берегу.

– Чего надо? – пьяно заорал вдруг Одноглазый.

Ему ответил гулкий знакомый голос:

– Помолчи, рыбье дерьмо, я не к тебе пришел.

– Что-о-о, – Одноглазый вскинулся с пьяным возмущением, – мало я тебе с утра зад надрал, еще хочешь?

– Надрал, – согласился Тамор, – да только не ты. – И ехидно спросил: – А что, теперь сам хочешь попробовать?

Одноглазый мгновенно протрезвел. Груда затихла, выжидающе глядя на двух вожаков. Но Тамор уже потерял интерес к разговору, он подошел к Грону:

– Отойдем, разговор есть.

Грон поднялся и пошел за ним. Отойдя от груды шагов на сорок, Тамор повернулся и в упор посмотрел на Грона:

– Переходи ко мне.

Грон отрицательно покачал головой.

– Ты хочешь стать главой груды?

– Опять не угадал.

– Тогда тебе конец.

Грон задумчиво посмотрел в сторону Одноглазого. Тот смотрел на них ненавидящим взглядом. Он понимал, что хочет сказать Тамор. В груди может быть только один лидер, а он ясно показал, что сильнее Одноглазого. Грон вздохнул:

– Пока он честен со мной, я честен с ним.

– Ты дурак, Грон, но ты мне нравишься. Когда попадешь в рабские ямы храма Блинецов, я тебя выкуплю.

– А в этом храме есть заггры?

Тамор фыркнул:

– Эти попрошайки есть в любом храме.

– Ну, тогда не торопись с выкупом.

– Уж не думаешь ли ты податься в заггры?

– А что, не выйдет?

– Тебе с такой здоровой мордой не дадут ни медяка, хотя и побить побоятся, – расхохотался Тамор.

Грон улыбнулся:

– Что ж, значит, не судьба, но спасибо за предложение. – Грон сделал паузу и, придав голосу значительность, закончил: – Я запомню.

Тамор внимательно посмотрел на него, будто стараясь разглядеть что-то внутри, потом кивнул и, резко повернувшись, пошел прочь.

Утром Грон проснулся от грубого пинка. Он попытался вскочить, но острие копья прижало его к земле. Над ним стояли трое воинов в накидках храмовых стражников и худой жрец с суровым выражением на лице. А за их спинами стоял Одноглазый. Жрец кивнул воинам:

– Свяжите, – и повернулся к Одноглазому. – Значит, говоришь, хула богов и оскорбление храма?

Одноглазый кивнул.

– Жаль, из него вышел бы хороший колун или мотыга, храм сейчас не может себе позволить покупать дорогих рабов, а этот силен.

– Он буйный, мудрейший, может кого-нибудь покалечить. Так что пусть кончит жизнь как корм для священных собак.

Жрец повернулся к стражникам – Грон уже был умело спутан, так что мог делать только маленькие шажки. Жрец удовлетворенно кивнул и двинулся по берегу, стражник толкнул Грона в спину и больно ударил по ногам тупым концом копья.

– Шевели ногами, раб.

Грон сделал шаг, потом резко повернулся к Одноглазому:

– Эй, Одноглазый. – Тот смотрел на него торжествующим взглядом. – Я хочу сказать тебе, – Грон сделал паузу, улыбнулся и ласково закончил: – До встречи, – потом повернулся и, переваливаясь как утка, последовал за жрецом.

А Одноглазый почувствовал, как его прошиб пот. Что же за демона прислали боги в этот мир?

Человечек проводил взглядом стражников, которые вели мальчишку, и облегченно вздохнул: этого тоже можно было списать со счетов. За прошедшие дни он подстроил, чтобы сына купца обвинили в поношении духов предков и отправили на корм священным собакам. Молодого жреца поймали без его участия в жилище одной из городских гетер и после обвинения в оскорблении богов отправили туда же. Купец получил удар в висок в портовой драке и также закончил свое мирское существование, хотя это стоило человечку двадцати медяков, а Первосвященника явно волновали несколько другие проблемы, так что человечек с облегчением решил пока оставить его в покое. Теперь он разобрался с мальчишкой. Оставались еще бывший водонос и матрос, но их надо было искать за пределами острова. Человечек вздохнул и выбрался из своего убежища. Над морем вставало солнце. Бросив взгляд в сторону Тамариса, он с тоской подумал, что может ведь совсем не вернуться сюда, потом покачал головой, отгоняя дурные мысли, и двинулся в сторону порта.

Грон сидел, привалившись к стене, и пытался отвлечься от завываний тщедушного медника. Изрядно набравшись молодого вина, тот перепутал полки в хозяйской мастерской и угробил дорогой золотой кувшин, перепутав работу хозяина со своим заданием. За что был продан вместе со всей семьей в возмещение убытков. В сорока шагах отсюда, в женской яме, сидели его жена и три дочери. Грон сидел здесь уже неделю, а медника бросили только утром, и он еще не успел проникнуться тупым рабским равнодушием. Послышался удар, медник взвизгнул. Потом раздался голос:

– Заткнись, спать мешаешь.

Грон усмехнулся. Типичная ситуация. Сначала двинуть, потом сказать. Сверху послышался негромкий разговор, он приоткрыл глаза. На краю ямы стояли жрец, который его привел, и седой старик в простой хламиде.

– Опять ключник пожаловал, – недовольно пробурчал тот же голос, – и чего ходит? Уже целую неделю.

Грон улыбнулся про себя. Видимо, в храме действительно была нужда в сильных рабах вроде него. Почти всех, кроме него и того раздражительного здоровяка, с кем он повстречался в первый день, уже не было. Кого отправили на плантации, кого продали, а кто попал на священные псарни. Но их двоих держали, хотя вели они себя по-разному. Здоровяк был зол на весь белый свет, цеплялся ко всем и орал непотребности. А Грон тихонько сидел в уголке. В первый же день, когда здоровяк прицепился к нему, Грон, печально улыбнувшись, ударом кулака вышиб камень из кладки стены, а потом повернулся и ласково спросил:

– Хочешь, сделаю так же с твоей головой?

Здоровяк благоразумно ретировался и больше не цеплялся. Но другим доставалось. Однако, если тот сильно расхотелся, Грону было достаточно недовольно хмыкнуть.

Жрецы исчезли. Но через несколько минут в пол рабской ямы уперся ствол дерева с прорубленными ступенями, потом над краем показалась голова стражника в шлеме.

– Ты, бритый, поднимайся.

Здоровяк побледнел, после чего замысловато выругался и ухватился за бревно. У самого края его схватили за запястья и резко выдернули наверх, послышался вопль, потом визги, удар, потащили что-то тяжелое.

– Ну, слава богам, на сегодня у священных псов есть жратва, – облегченно пробормотал кто-то.

Но бревно осталось на месте. Голова в шлеме показалась снова.

– Теперь ты, молокосос. – Стражник кивнул Грону.

У того екнуло сердце. Но за эту неделю он узнал, что обычно священным псам не давали двух жертв в один день. Поэтому он попытался успокоиться и, ухватившись за ствол, ловко полез вверх. Его вытянули так же, как и предыдущего. Но когда он, прищурившись от яркого солнца, бросил взгляд на двор, то увидел не полуголых зрителей псарни, а колодочника с деревянной колодой. Рядом с ним стоял ключник. Когда два стражника рывком поставили Грона перед ними, ключник сделал шаг вперед, пощупал мышцы, бесцеремонно раздвинул губы и осмотрел зубы, потом, удовлетворенно кивнув, бросил стоящему рядом надсмотрщику:

– Это будет Колун, забирай его на дровяной двор.

Надсмотрщик хмуро кивнул и махнул рукой колодочнику. Тот, ковыляя, подошел к Грону, наметанным взглядом окинул ногу, достал тяжелый бронзовый тесак и ловкими, уверенными движениями подтесал колодку, затем натренированным движением накинул колодку на ногу и вынул ключ-кольцо из замка.

Дровяной двор представлял собой широкую площадку на краю обрыва, ограниченную со стороны храма уступом, укрепленным каменной кладкой. Возчики каждый вечер привозили стволы деревьев и чурки и вываливали их с уступа на площадку, а кухонные рабы и послушники, следящие за священным пламенем, забирали наколотые дрова. Колуну не нужны были ни цепи, ни стража, ибо взобраться по стене или спуститься по обрыву, имея на ноге тяжелую колодку, было невозможно. А рабы и послушники проходили через запертую дверь в кладке только в сопровождении стражников. Кормили лишь вечером, когда от тяжелой работы на солнцепеке грузные Колуны уже еле таскали ноги. Но так было со всеми предыдущими Колунами. С Гроном было по-другому. Тяжелую деревянную колодку, запирающуюся медным лепестковым замком, он снимал в секунду, так что с передвижением проблем не было. В дополнение к громоздкому каменному колуну он изготовил еще каменную кувалду и несколько клиньев, так что и с работой он мог управиться часа за три, в то время как грузному венету, который за день до появления Грона был удостоен чести послужить очередной порцией корма священным собакам, требовался для этого целый день. Короче, все было хорошо, вот только кормежка... Кухни готовили еду на семьсот едоков. Два десятка высших жрецов питались изысканно. Сотня прислужников, полторы сотни послушников и пять десятков храмовых гетер и их учениц обходились без разносолов, но питались сытно и обильно. Шесть десятков загров и сотня дворовых слуг подбирали крохи с хозяйского стола. Остальные были рабами...

К исходу недели Грон понял, почему в храме было сложно с Колунами. За кухню отвечал лично ключник, но старшей поварихой была Тупая колода. Поэтому ключник на кухне почти не появлялся. Первые три дня он приходил к закату, оглядывал аккуратно выложенные поленницы, удовлетворенно кивал и удалялся, потом перестал приходить вообще. Теперь его единственным инспектором осталась Тупая колода. От кухонных рабов Грон узнал, что именно она была причиной высокой чести, которой удостоился прежний Колун. Колуны были ее привилегией. После того как один из кухонных рабов нарочно обварил руку, сделав себя

годным к использованию только в качестве ноги на водососное колесо, а другой прыгнул со скалы, ключник запретил Тупой колоде тешить похоть кухонными рабами, поэтому у нее остались только Колуны. К исходу первых суток Грон уже ясно представлял, что его ожидает. Проблема была и в другом: трахаться-то Тупая колода трахалась, но лишнего куска от нее было не дожидаться. Поэтому все они кончали одинаково. Те, кто ее пользовал, жили немного дольше, чем те, что отказывались. Но и те и другие быстро исчезали в желудках священных собак, ибо Тупую колоду отличала неугасимая ненависть к мужчинам, которая проистекала из естественного отвращения мужского пола к существу, которое носило прозвище Тупая колода. Хозяйка кухни представляла собой создание весом около двух центнеров, с реденькими, слипшимися волосками на голове, зато с густой порослью в носу, на верхней губе, подбородке и под мышками. Довершали картину бородавки и мелкие желтые зубки с изрядными прорехами. Вечером третьего дня, когда ключник ушел, Грон отложил колун и задумался. Дамы, предназначенной ему в подруги, он не видел, но кухонные рабы, забиравшие у него дрова, злорадно описали ему ее достоинства. Судя по тому, что забиравший сегодня дрова раб, глядя на него, ехидно посмеивался, час свидания был близок. Надо было решать, что делать. Сбежать особого труда не составляло, но он еще не нашел никакого канала к загграм. Требовалось задержаться в храме на некоторое время. Тем более что режим работы позволял заняться собой. Этому телу необходима была хор-рошая растяжка, кроме того, надо привыкнуть к своей новой массе и срочно что-то делать с реакцией. Когда он дрался с Тамором, эти черепаши рефлексy едва не стоили ему жизни. Тамор несколько раз почти дотянулся до него, Грон вывернулся только благодаря своему гигантскому опыту рукопашника. Да и боевые искусства здесь были развиты слабовато. Во время обеих схваток Грона ни разу не пытались ударить ни ребром ладони, ни пяткой, ни, что самое интересное, просто ногой. Хотя, по-видимому, опыт уличных схваток у его противников был немалый. Однако за последние несколько дней он обнаружил, что его рефлексy быстро прогрессируют. Короче, по всему выходило, что здесь стоило задержаться. Грон вздохнул и принял решение. После сегодняшней встречи Тупая колода должна уйти не просто довольной, она должна стать его рабой. А внешность... что ж, он не пятнадцатилетний мальчик, можно потерпеть.

Это оказалось более трудным делом. Хотя он был готов к самому худшему, действительность превзошла самые смелые ожидания. Тупая колода была женщиной героических пропорций с грацией обожравшегося носорога и обаянием перепившей свиньи. Кроме того, Грон не мог себе представить, что, живя на острове, в двух шагах от моря, можно так вонять. Она появилась на дровяном дворе перед самым закатом. Брезгливо выпятив нижнюю губу, оглядела его, подошла к поленницам, пнула их своей отекшей ступней и повернулась к Грону:

– Ты что, рыба икра, дурака валять вздумал?

Голос был под стать всему остальному – скрип гвоздя по стеклу. Грон украдкой бросил взгляд в сторону двери – стражника не было. Он демонстративно усмехнулся и молча уселся на камень. Тупая колода подхватила полено и, тяжело переваливаясь, побежала к нему.

– Я оторву твой мужской отросток и забью тебе в глотку, – визгливо заорала она.

Когда повариха была от него в одном шаге, он приподнялся на руках и, скользнув чуть в сторону, выставил вперед ногу. От удара нога загудела, а когда туша рухнула, Грону показалось, что где-то рядом произошло небольшое землетрясение. Но не успела разъяренная Тупая колода перевернуться на спину, как Грон придавил ей ноги коленом и засунул руку между ног.

– Что, женщина, ты этого хотела?

Он наклонился и, рванув зубами материю на груди, осторожно укусил ее за сосок.

– А может, этого?

Тупая колода рванулась, но Грон держал ее крепко. Она обмякла, воткнув в него яростный вазгляд, а он начал работать пальцами, губами, языком. Тупая колода изумленно вскрикнула, потом дернулась, снова пытаясь вырваться, но спустя несколько мгновений прерыви-

сто задышала и закрыла глаза. Грон поднялся губами по шее, куснул за ухо и с придыханием зашептал:

– А может быть, и этого тоже?

Женщина вскрикнула и простонала:

– Да... да-а-а.

Грон почувствовал, что она вот-вот кончит, и, резко оторвав руки, поднялся на ноги. Тупая колода разочарованно вскрикнула. А Грон выпрямился и сложил руки на груди. Тупая колода с трудом приподнялась на локте и, задышав, спросила:

– Чего ты хочешь?

Грон улыбнулся:

– По-моему, хочешь ты, женщина.

Тупая колода с трудом села, помотала головой.

– Как ты это делаешь?

– Ты хочешь попробовать еще раз?

Тупая колода сверлила его яростным взглядом.

– Да!

– Так попроси.

Она издала какой-то горловой звук, губы ее задрожали, она облизнулась и харкнула на каменные плиты. Грон ждал. Тупая колода, хозяйка всех Колунов, которые были на дровяном дворе, сидела у ног сопливого юнца и изнывала от желания почувствовать еще раз на своем теле его руки, губы. Понять, что он сделал с ее телом, почему оно, самой хозяйкой уже давно почитавшееся куском студня, так яростно отреагировало на его прикосновения. А юнец гордо стоял рядом. Она шумно вздохнула и выдавила из себя слова:

– Я хочу... – она запнулась, Грон требовательно смотрел на нее, – сделай так еще... прошу...

Грон усмехнулся:

– Так ты просишь, женщина?

– Да.

– Кого же ты просишь?

– Тебя, раб! – зло заорала повариха.

Грон покачал головой.

– Раба не просят.

Тупая колода сверлила его яростным взглядом. Грон ждал. Женщина медленно опустила голову.

– Я прошу тебя, господин.

– Ты быстро учишься. – Грон опустился на колени и, ухватив ее за подбородок, поднес ее губы к своим. – А усердие заслуживает награды.

Тупая колода не подозревала, что она была первой женщиной этого мира, которая узнала, что такое поцелуй.

Восток начал алеть, когда повариха с ошарашенным видом протиснулась в проем, забыв закрыть решетку двери. Грон некоторое время посидел, отходя от бурной ночи, потом подобрал набедренную повязку, смочил ее в остатках воды и остервенело обтерся. Последним глотком он прополоскал рот. Он сам удивился тому, как его новое тело реагировало на события прошлой ночи. Грон думал, что полностью овладел им, но тело преподнесло ему очередной сюрприз. Его бросало то в жар, то в холод, он чувствовал себя девственником, впервые попробовавшим женское тело. Грон фыркнул, представив себя в роли девственника, и побрел в закуток за поленищами. Можно было еще часок подремать, что ему совсем не помешало.

Вечером Тупая колода, воровато озираясь, приволокла пятнадцатилитровую флягу из необожженной глины с чистой водой, свежую лепешку толщиной с батон и здоровенный шмат хорошо прожаренного мяса. Дело выгорело.

Зеленоглазая подобралась к краю уступа и осторожно заглянула вниз. Колун махал топором на дальнем конце дровяного двора. Она зажмурилась от страха, но делать было нечего, и, зажав в руке узелок с лепешкой, а под мышкой глиняную бутылку, повернулась, встала на колени, осторожно сползла со стены и начала спускаться вниз. Нашупывая босыми ногами выступы каменной кладки, она быстро спустилась до половины, но, когда она в очередной раз отпустила левую руку, перехватывая поудобнее узелок, камень под ногой вдруг обломился, и она рухнула вниз. От страха девчонка взвизгнула и зажмурилась. Но вместо боли от удара о скалу и перепутанные ветви, она почувствовала, что ее подхватили чьи-то сильные руки. Руки слегка дрогнули, а затем спаситель шагнул в сторону и спрыгнул с кучи наваленных стволов. Она почувствовала, что ее осторожно положили на горячий камень и чья-то жесткая рука легко, но чувствительно хлопнула ее по щеке. От возмущения Зеленоглазая широко распахнула глаза. Склонившийся над ней человек от неожиданности отшатнулся. Он был не особо красив, но явно силен и на удивление гибок. Она даже не сразу поняла, что это и есть Колун.

– Ты кто? – спросил звучный, но странно ломкий голос.

Зеленоглазая сердито двинула плечом, сбрасывая его руку, и, гордо вскинув подбородок, произнесла:

– Я – гетера, раб, – вложив в последнее слово все свое презрение.

Колун удивленно посмотрел на нее, потом усмехнулся и сказал этак задумчиво:

– Может, тебя подкинуть до того места, откуда падала?

Девочка испуганно посмотрела на него, потом уловила веселые искорки в глазах и расхохоталась. Колун не выдержал и тоже заулыбался, и тут Зеленоглазая с удивлением заметила, что Колун еще совсем юн.

– Эй, кто тебя сюда поставил? Ты же колуна поднять не сможешь.

Тот хмыкнул:

– Это точно, при случае замолви словечко. Меня, понимаешь ли, ключник последнее время совершенно не слушает, совсем от рук отбился. Что мне с ним делать?!

Зеленоглазая ошарашенно посмотрела на него, потом нахмурилась, переваривая услышанное, и тут до нее дошло, что этот странный голубоглазый раб шутит, и она вновь звонко захохотала. Все еще смеясь, она вскочила на ноги и, вскинув руки, стала поправлять свои мягкие золотистые пряди. В этот момент Грон почувствовал, что такое обученная гетера. Чтобы сохранить «лицо», ему пришлось плотно сжать ноги и повернуться чуть боком. Но девчонка тут же заметила его движение и засмеялась совсем по-другому, как-то тягуче и в то же время звонко, шаловливо. Грона бросило в краску, и он сердито отвернулся.

– Эй, – ее голос звучал примирительно, – не обижайся.

Грон попытался отвлечься от буйных желаний, полыхающих в паху, и, не поворачиваясь, спросил:

– Каким ветром тебя сюда принесло?

– Каким что? А-а... ты очень интересно спросил. Я прячусь. – Она тяжело вздохнула.

Грон удивленно повернулся:

– От чего может прятаться храмовая гетера?

Она покраснела, но упрямо вскинула голову и с вызовом сказала:

– Я не храмовая гетера... то есть я пока совсем еще не гетера, но буду, буду самой великой гетерой среди всех, ясно?

Грон почувствовал, что его отпустило – сейчас эта девчушка больше походила на рассерженного воробья, чем на предмет похотливых устремлений. Он сделал серьезное лицо и кивнул.

– Точно, самой великой. – Продолжая сохранять серьезный вид, он сосредоточенно осмотрел дровяной двор. – Самое место обзавестись толпой поклонников.

Зеленоглазая снова звонко расхохоталась. Но через несколько мгновений прикрыла рот руками и замолчала, потом быстро окинула взглядом обрез стены, калитку, кучи деревьев, поленицы и повернулась к нему:

– Сюда никто не придет?

Грон пожал плечами:

– Кто его знает, я на дровяном дворе пол-луны. Днем обычно никого нет. Возчики приезжают вечером, за дровами приходят утром и вечером, а днем тихо.

Девчонка серьезно посмотрела на него:

– Мне надо спрятаться дня на три.

– Зачем?

Зеленоглазая вспыхнула, возмущенно дернула плечиком, но Грон смотрел спокойно и доброжелательно. Она вздохнула.

– Я – ученица Сиэлы Тамарисийской. Она принимает одного из систерархов острова Ситакка, а он большой любитель юного тела, и она отправила меня в храм, пока он не уедет.

– Насколько я понимаю, гетера должна улаживать мужчин своим телом, в том числе и юным, или я ошибаюсь?

Девчонка возмущенно фыркнула:

– Я – «белая». Сиэла купила меня десять лет назад, она говорит, что я патрицианка по рождению, у меня слишком нежная кожа. Сиэла говорит, что такая может быть только, если с детства умащивать ее маслами и душистыми растираниями.

– Значит, ты тоже рабыня?

Девчонка возмущенно уставилась на него.

– Гетеры не рабыни, они служат Зее-плодоносице, они принадлежат мужчинам во имя богини.

– Ладно, не важно. А что значит «белая»?

Возмущение в огромных зеленых глазах сменилось удивлением.

– Ты не знаешь?! Но ведь это же всем... Из какой дыры тебя привезли?

Грон хмыкнул и ткнул рукой в сторону белой полосы прибороя.

– До того, как меня загребли за хулу богов и оскорбление храма, я жил в груди Одноглазого.

Девчонка непонимающе уставилась на него. Грон усмехнулся и деланно удивленно посмотрел на нее:

– Ты не знаешь?! Это же всем известно.

Зеленоглазая заулыбалась.

– Я понимаю, прости. «Белые» стоят очень дорого. Они обучаются всему, но первый мужчина получает ее еще девственницей.

– Ну и чем ты отличаешься от рабыни?

– Дурак. – Зеленоглазая вскипела. – Это всего один раз, а потом я стану свободной гетерой и буду сама устанавливать себе цену. Мужчины будут добиваться моей благосклонности, дарить мне драгоценности, умолять меня о встрече. А ты будешь махать своим топором, Колун, и валяться по ночам в своем дерьме.

Грон жестко посмотрел на нее.

– Во-первых, не один раз, а первый, а это не одно и то же, хотя ты этого еще не понимаешь, а во-вторых, от меня ты будешь отличаться только тем, что сама будешь торговаться с покупателем. А за меня это сделает работорговец.

– Ты... Ты... Я... О боги... – И тут она разревелась.

Грон смотрел, как слезы катятся по щекам, как вздрагивают худые плечики, и тут на него накатила волна нежности. Он забыл, что сидящая перед ним девчонка едва на год-другой моложе его нынешнего тела. Он мысленно выругался: «Моралист чертов, толку от твоей морали, ей-то все равно некуда деваться», – неловко наклонился над ней и, обняв, прижал к себе. Она начала сердито вырываться, потом вдруг обмякла и заревела в голос у него на груди.

– Ладно, ладно, знаешь, у моего народа есть пословица: человек предполагает, а Бог, э-э-э, боги располагают. Никому не дано знать, кем он станет, вот я, например, думаю, что буду великим воином.

От такого предположения девчонка удивленно вскинулась:

– Но ты же раб?!

Грон улыбнулся и погладил ее по голове – шелковистые волосы приятно ласкали пальцы.

– Сегодня раб, а завтра... Кто знает?

Девчонка отвернулась, что-то сосредоточенно обдумывая, потом, закусив губу, бросила на него испытующий взгляд.

– Ты хочешь бежать?

Грон расхохотался:

– Не так быстро, мне еще надо кое-что здесь сделать, но, в общем, махать топором, пока ты будешь собирать поленницы мужиков у своих ног, я действительно не собираюсь.

Девчонка сквозь слезы рассмеялась.

– Ну вот и ладушки, – удовлетворенно кивнул Грон, – а то развела сырость, чуть не утопила.

Зеленоглазая опять захохотала, слезы окончательно высохли. Отсмеявшись, она посерьезнела и, уперев в него взгляд своих зеленых глаз, твердо сказала:

– Я хочу бежать с тобой.

Грон опешил.

– Ты... чего?

Девчонка упрямо вскинула голову. Потом решила, что упрямством ничего не добьешься, и шаловливо улыбнулась. Грон тут же почувствовал некоторое напряжение в паху.

– Когда ты убежишь, я пойду с тобой.

«Этого еще не хватало», – обескураженно подумал Грон и мысленно дал себе пинка: так открыться перед сопливой девчонкой, к тому же со скверным характером и ветром в голове... Тут пахло собачьими ямами.

А та, сохраняя на губах кошачью улыбку, промурлыкала:

– Не бойся, я тебя не выдам. – Потом удивленно посмотрела на него. – Ну вот опять.

Грон непонимающе уставился на нее.

– Сиэла говорит, что у меня дар. Часто бывает, что я ляпну что-нибудь от упрямства или из вредности, а потом так и происходит, и сейчас, кажется, так же получилось.

Грон расхохотался:

– Не успел обрести свободу, а уже получил невесту, да какую – самую великую гетеру.

Зеленоглазая смеялась вместе с ним, но как-то покровительственно, как бы зная что-то, что от Грона еще было скрыто. Поэтому Грон быстро замолчал и спросил:

– А сейчас-то ты от чего прячешься?

Девчонка хмыкнула:

– От жрицы-наставницы. Они с Сиэлой терпеть друг друга не могут. Когда Сиэла отдавала меня в храм, та была в купеческих приемных домах, но купцы уехали раньше, и она вернулась. С тех пор страдаю.

– А почему на три дня?

– Ну, я думаю, к тому времени Сиэла избавится от систраха и заберет меня обратно.

Грон прикинул: если расширить убежище из поваленных стволов у самого обрыва и если она не наделает глупостей... Впрочем, именно в последнем он сомневался. Ей втемяшились в голову странные мысли... А вечером появится Тупая колода... Короче, было над чем подумать.

– А тебе разве не надо к вечеру быть на своем месте?

Она удивленно посмотрела на него:

– Я же не храмовая гетера. Если мне вечером захочется потанцевать для прислужников либо поиграть на флейте для младших жрецов, кто может мне запретить?

– Но если она не найдет тебя ни у тех, ни у других?

– О, храм большой, пусть ищет.

Грон понял, что переубедить ее невозможно, надо было решать: либо турнуть упрямую девчонку, либо помочь ей. Минуту поразмышляв, Грон понял, что, хотя все было за то, чтобы не ввязываться, он не может ей отказать.

– Ладно, сиди здесь, сейчас приготовлю тебе укрытие. – И он, легко вскочив на ноги, двинулся к куче перепутанных древесных стволов, где сделал себе небольшую древесную пещерку, чтобы прятаться от солнца в часы самой большой жары.

Через некоторое время девчонка присоединилась к нему и, пытаясь, стала помогать. Через пару часов у края обрыва возникла неуклюжая куча деревьев. Со стороны обрыва, скрытая сучьями, в ней скрывалась небольшая узкая нора, ведущая в убежище. Грон вытер пот и кивнул Зеленоглазой:

– Залезай.

Она протянула руку, потрогала его мышцы и уважительно сказала:

– А ты сильный.

Грон хмыкнул:

– Я же Колун, ладно, залезай. – И, помогая девчонке пробираться по обрыву, смущенно добавил: – Вечером ко мне придут. Ты, это... ну, в общем, сиди тихо.

Она удивленно посмотрела на него, потом улыбнулась:

– Дорогой, я же гетера, и хоть я еще «белая», но насмотреться уже успела, как мне иначе учиться-то.

Когда Грон шел обратно к своему колуну, в голове вертелось одно слово «дорогой», и он с удивлением понял, что ему понравилось, что она его так назвала.

На следующее утро Зеленоглазая выбралась из своего убежища странно притихшая. Грон, несколько смущенный тем, что ей полночи пришлось слушать стоны и вопли Тупой колоды, махал колуну на дальнем конце двора. Она подошла неслышно и некоторое время молча стояла, как-то задумчиво рассматривая его. Грон расколол очередной пень и, отбрасывая в сторону поленья, заметил девчонку. Она покачала головой:

– Да, дорогой, такого я еще не видела.

Грон хмуро потянулся за следующим поленом, поставил его на колоду и пробурчал:

– Чего же ты хотела, я же раб.

Зеленоглазая хмыкнула и потянулась всем телом.

– О боги, я не подумала ничего дурного, просто интересно...

Грон хрястнул колуну и, не дождавшись окончания вопроса, спросил сам:

– Что тебе интересно?

– А что ты сможешь сделать с женщиной, которая тебе будет действительно нравиться? – И, засмеявшись тем тягучим, шаловливым смехом, она пошла прочь.

Грон от неожиданности промазал и саданул колуном о скальный грунт. От колуна отскочила острая полоска камня и, вращаясь, упала на пенёк. Грон выругался сквозь зубы и зло поднял колун. До полудня, когда даже чайки забираются в тень, прячась от нестерпимой жары, он без устали махал топором, а девчонка не показывалась из своего убежища. Но, когда большой колокол возвестил, что храмовые клепсидры и солнечные часы указали самую короткую тень, он отбросил колун и двинулся к убежищу. Девчонка сидела в углу небольшой пещерки из древесных стволов и расчесывала волосы. Грон забрался внутрь, достал мясо, лепешку и, разломив на две половины, протянул Зеленоглазой. Та бросила на него лукавый взгляд сквозь пушистую завесу и кокетливо протянула руку. Грону стало смешно. Он запихнул в рот здоровенный кусок мяса и насмешливо спросил:

– Эй, «белая», я чувствую, ты горишь желанием уйти отсюда «красной», или как там у вас это называется?

Зеленоглазая испуганно посмотрела на него, потом заметила знакомые веселые искорки и расхохоталась:

– Ты уже готов?

– А ты не дразни.

Отсмеявшись, они весело принялись за еду. Но на отдых улеглись, стараясь не касаться друг друга. После жары работа пошла быстрее, и Грон управился с полуторной нормой. Когда возчики, сбросив дрова, уехали, Зеленоглазая тоже выбралась из убежища и стала делать растяжку. Грон, искоса поглядывая, махал колуном, потом он тоже не выдержал и, отложив топор, сел и потянул спину. Затем сделал несколько растяжек. Девчонка удивленно взирала на него.

– Ты действительно самый необычный раб среди всех, которых я знаю.

– Ну я же тебе сказал, что у меня большие планы.

– А что ты еще умеешь?

Грон улыбнулся:

– Я сплю не храпя.

Зеленоглазая снова расхохоталась, Грон присоединился к ней. Отсмеявшись, девчонка задумчиво посмотрела на него:

– Знаешь, мне никогда не было так хорошо. Странно, когда я мечтала, то представляла богатых торговцев, властных систрахов, а оказалось, что достаточно простого раба, то есть, конечно, не совсем простого, – она тряхнула волосами, – ладно, полезу в убежище, а то скоро придет твоя любовь.

В эту и две последующие ночи Грон показал Тупой колоде все, на что был способен. Утром третьего дня Зеленоглазая была немного грустной.

– Боишься возвращаться?

– А вдруг Сиэла не придет?

Грон задумчиво кивнул.

– Вернешься обратно.

Зеленоглазая покачала головой.

– Теперь наставница меня так просто не отпустит.

– Тогда оставайся.

– А если Сиэла уже пришла?

Грон пожал плечами.

– Решать-то все равно надо: либо сиди, либо иди.

Девчонка хмыкнула и побрела к стене. Грон отложил колун и пошел за ней. У самой стены он придержал ее за плечо.

– Давай подсажу.

Она кивнула, а когда уже взобралась на его сомкнутые в замок руки, вдруг нагнулась и неумело ткнула губами в его приоткрытый рот, потом прыгнула, как ящерица, и поползла вверх по стене.

Весь день у Грона все валилось из рук. Он никак не мог разобраться в своем отношении к этой сумасбродной девчонке. То он чувствовал себя таким дедом, жалеющим славную девчушку, попавшую в жернова. То его бросало в жар, когда он вспоминал, как она стоит, идет, смеется. Он четко знал, что не может пока ни к кому привязываться, и убеждал себя, что это животные реакции молодого тела. Но Зеленоглазая чем-то неуловимо напоминала Тамару. Не внешне, нет. Тамара была невысокой, смуглокожей, черноволосой, с большими черными глазами. Эта была худой, длинноногой, совсем не соответствующей местным канонам красоты, предпочитавшим широкобедрых женщин, что называется, в теле. Но в обеих было что-то, что Люй называл «шакти», что-то неуловимо женственное, заставлявшее мужчин делать стойку, как обученных пойнтеров на охоте. Тупая колода тоже имела все основания быть им недовольной, и хотя она стонала и вопила, как и в прошлые разы, но ушла гораздо раньше. Грон привычно обтерся и забрался в убежище. Не спалось. Он около часа ворочался с боку на бок, как вдруг с обреза стены послышался какой-то шум. Он быстро выбрался наружу. В темноте, белея туникой, по стене спускалась стройная, худая фигурка. Грон рванул к стене так, что, казалось, пятки вспыхнули. Зеленоглазая, заметив, что Грон затормозил прямо под ней, отпустила руки и ухнула вниз. Грон слегка ошалел от такого доверия к своим способностям, но успел подхватить. Девчонка обхватила его руками и, прижавшись всем телом, разревелась. Грон гладил ее по голове, плечам и чувствовал, что глупо улыбается. Она вдруг вскинулась и зашептала ему на ухо:

– Они хотят устроить мне посвящение, Колун, они хотят устроить по-о-о... – И снова заревела.

– Чего? – не понял тот.

– Они посвятят меня Зее-плодоносице, а потом отдадут самым грубым и уродливым рабам, они уже отобрали пятерых.

Грон резко остановился, будто натолкнувшись на стену.

– Зачем?

Зеленоглазая немного успокоилась.

– Так всегда делают. Самое страшное для гетеры – это привязанность к мужчине, она всегда должна помнить, что мужчина – грязное, тупое животное. Что он сильнее и, если совершишь ошибку, он растопчет тебя.

Она важно повторила чьи-то слова. Грон вскипел:

– Что за чушь?

Девчонка поникла.

– Я и сама знаю, но так нас учили, не Сиэла, а жрица-наставница. Все храмовые гетеры прошли через посвящение. Обычно это бывает неожиданно. Но мне рассказал послушник-псарь. Наставница иногда развлекается с ним, он довольно мил, он сам хотел участвовать в посвящении, но наставница ему не разрешила. В посвящении участвуют только рабы, почти животные... – Грон хмыкнул, и Зеленоглазая торопливо погладила его по руке. – Ты не такой, я знаю, но я видела троих из тех, кто предназначен мне. – Она вздрогнула.

Грон осознал, что все еще держит ее на руках, и осторожно поставил на ноги. Потом попытался успокаивающе улыбнуться.

– Ну ничего, переждешь до завтра, а там, может, Сиэла появится.

Девчонка подняла на него серьезные глаза и покачала головой:

– Нет, они будут искать меня всю ночь. Они найдут меня. Мне этого не избежать.

– Это мы еще посмотрим, – сурово произнес Грон.

– НЕТ! Ты не будешь драться с ними! Ты умрешь, они убьют тебя, а если нет, то тебя отправят к священным псам.

– Тогда бежим.

– Как? Вечерняя стража в два раза больше дневной.

Грон хотел сказать, где он видел всю эту стражу, но понял, что это было бы справедливо, только если бы он был один. Вниз по обрыву Зеленоглазая бы не спустилась, он видел, как она умела карабкаться даже по выптербленной каменной кладке.

– Ну и что ты предлагаешь?

Она посмотрела ему прямо в глаза, плотно сжав губы. Потом потянулась к нему. Он ошалело отстранился.

– Я хочу, чтобы первым был ты.

– Чего? – Грон удивленно вытаращил глаза, потом мотнул головой. – Но ведь...

– Все равно, – твердо произнесла Зеленоглазая, – потом все равно, пусть будут они, но первым – ты.

Эти глаза, они смотрели так требовательно. Она сделала шаг назад и запела какую-то тягучую, ритмичную мелодию, тряхнула волосами и пошла танцем, ведя ритм пощелкиванием пальцев и хлопками в ладоши. Грон почувствовал, как по спине побежали мурашки, а волосы и все остальное встало дыбом. Она крутанулась на пятках, сбрасывая тунику, скользнула к нему и отпрянула, обдав лицо и грудь водопадом волос. Грон почувствовал, что больше не может смотреть на это, и прыгнул вперед. Она, как кошка, извернувшись и встретила его, раскрыв руки.

Они пришли в себя, когда уже светало. Ночь то тянулась, то летела на крыльях, они успели устать друг от друга и вновь изголодаться, когда за решетчатой дверью раздались чьи-то голоса. Зеленоглазая вскочила, оттолкнула Грона и, шепнув: «Спрячься», – накинула тунику. Дверь отворилась, и на пороге возникла стройная женская фигура в красивой голубой накидке.

– Так вот ты где, тварь? – Женщина брезгливо скривила красивое, холеное лицо. – Я так и знала, что ты выберешь самое гнусное местечко. Ну да ладно, жрицы Зеи-плодоносицы ждут. Впрочем, – она окинула взглядом стену, – они могут подождать еще. Неплохое место для основного, никого не разбудишь своими воплями. – И она, сделав шаг вперед, повернулась к черному дверному проему. – Идите сюда, ваша рыбка ждет вас.

Если бы это не происходило у него на глазах! Грон всю ночь метался между двух желаний. Когда он пытался думать спокойно, он понимал, что ему надо было удержаться на своем месте, найти истинных загтров, узнать у них о подобных себе и решить, как жить дальше. Но в следующее мгновение он готов был драться со всем миром за женщину, которую сегодня ночью держал в своих объятиях. Когда она его оттолкнула, он почти смирился с неизбежным и, подхватив набедренную повязку, откатился за поленницу, но сейчас...

Пятеро вошедших напоминали Тупую колоду в мужском варианте. Грон скрипнул зубами и почувствовал, что смотреть на то, что сейчас произойдет, выше его сил. Зеленоглазая это тоже поняла, поэтому закричала:

– НЕТ! – Она бросилась на колени и протянула руки к наставнице: – Нет, умоляю, только не здесь, клянусь, я буду молчать, но только не здесь...

Наставница хищно улыбнулась и кивнула рабам:

– Начинайте.

Грону вдруг стало как-то спокойно, все решилось само собой. Он негромко присвистнул и двинулся вперед. Рабы, услышав свист, затормозили, но, увидев перед собой всего лишь юнца, отвернулись и бросились к Зеленоглазой, она взвизгнула и отпрянула. Грон сквозь зубы прошипел:

– Не так скоро.

Наставница расхохоталась:

– Так вот к кому ты прибежала. Клянусь Зеей-плодоносицей, девочка, ты сделала неправильный выбор. Впрочем, ты всегда была дурочкой. – Она повернулась к открытой двери. – Эй, Могион, посмотри, кого нашла эта маленькая дрянь.

В дверь заглянул миловидный парень в плаще послушника. Рабы грозно двинулись вперед. Грон рявкнул девчонке:

– В убежище, – и прыгнул вперед.

Это действительно были тупые колоды. Первый рухнул с разбитым горлом. Грон проскользнул в образовавшуюся брешь и, пока эти тупые твари поворачивались, ударом пятки сломал шею второму. Наставница изумленно вскрикнула и, выхватив из прически длинный и острый бронзовый шип, бросилась к нему. Грон почувствовал, что не успеет увернуться, и просто выставил локоть. Она налетела на локоть горлом и, всхрипнув, упала на камни. Послушник дико заорал и отпрянул назад. Грон мельком подумал: «Трусоват...» – и сломал следующему нападавшему переносицу. Двое оставшихся затормозили. Грон отступил и перевел дух.

– Ну что, не передумали?

Но те были слишком тупы. Грон представил, как работали их мозги: «Он один, нас пятеро. Он один, нас двое. Он один, но я больше». К тому же ему хотелось уничтожить их, раздавить, растереть. Рабы бросились на него, расставив руки. Грон уклонился и ударил одного сбоку, проломив височную кость. Второй по инерции пробежал мимо, и Грон ударом ноги добавил ему ускорения – так, что тот вылетел в дверь и с воплем рухнул с обрыва. Грон окинул взглядом место схватки, но все было тихо. Он расслабился и повернулся – Зеленоглазая стояла прямо у него за спиной, широко разинув рот.

– Ну, ты чего здесь, я же сказал – в убежище.

Зеленоглазая медленно подняла руки и обхватила голову.

– Ты убил их всех... Один... О боги, кто же ты такой?

Грон усмехнулся и прижал ее к себе.

– Колун. Тебе пора, и забудь о сегодняшней ночи, обо мне и обо всем, что здесь произошло.

– Нет, – она оттолкнула его и упрямо вскинула голову, – я никогда, слышишь, *никогда* этого не забуду. – Она прильнула к нему и обняла изо всех сил. Потом отпрянула, мотнула головой, стряхивая слезы, и исчезла в черном проеме двери.

Грон тяжело вздохнул и побрел к колоде. Надо было обдумать, что делать дальше. Он подобрал колун и присел на колоду. Вдруг из глубины прохода раздалось злобное рычание. Грон вскочил на ноги и поднял топор. Из проема выскочил послушник с двумя собаками на поводках. Заметив Грона, он вытянул руку и полным ненависти голосом закричал:

– Аор, Нейс, рви его, рви!

Собаки бросились вперед. Грон встретил первую ударом колуна. Череп собаки брызнул мозгами, а Грон развернул рукоять и воткнул ее в пасть второй собаке, другой рукой стиснув ее горло. Послушник, увидев конец первой собаки, взвизгнул и бросился на Грона. Руки были заняты псом, поэтому Грон ударил ногой. Удар пришелся в грудь, у послушника внутри что-то хрустнуло, и из горла вырвался фонтан крови. Пес извернулся и попытался ухватить Грона за руку, но он стиснул руки и швырнул собаку в пропасть. На дровяном дворе вновь наступила тишина. Грон, тяжело дыша, огляделся. Надо было бежать. Он очень сомневался, что ему сошло бы с рук и убийство рабов, но жрица, послушник, а главное, священные собаки! Грон быстро подошел к глиняной бутылки и обтерся, затем повернулся к обрыву, но не успел сделать и шага, как за спиной раздался холодный, сухой голос:

– Агиона ждут неприятные новости.

Грон резко обернулся. У трупов послушника и собаки стоял высокий человек в грязно-бурой накидке и безглаголиво смотрел себе под ноги, из двери выходили храмовые стражники. Трое были с луками. Жрец поднял безглаголивый взгляд.

– Что тут произошло?

Грон лихорадочно обдумывал версии, но ничего путного в голову не приходило.

– Что от него ждать, о Говорящий за два рта, это же Колун! – Толстый стражник в чуть более богатой, чем у остальных, накидке презрительно разглядывал Грона.

Грон мысленно присвистнул, это был титул Первосвященника. А тот покачал головой и, не меняя брезгливого выражения лица, ответил:

– Однако священного пса убил именно он, голова разmozжена колуном. К тому же он без колодки.

Стражник удивленно уставился на него, а Первосвященник отвернулся и направился к выходу, на ходу бросив:

– Этого в большую колодку и в дальнюю яму. Две руки стражников со мной. – Он хищно улыбнулся, – кое-кого сегодня ждет необычное пробуждение. – И скрылся в проеме.

Грон обернулся – над морем пылал восход, начинался новый день.

Массивная деревянная решетка наверху поползла в сторону. Грон слегка вскинул глаза. Тяжеленная деревянная колодка, зажимавшая руки, ноги и голову, жестким воротником упиралась в затылок и не давала поднять голову. В грязный пол ямы уперлось бревно со ступенями, потом показались крепкие волосатые ноги в сандалиях, передник стражника. Затем Грон ощутил скрежет открываемых замков, грубый толчок и рухнул на бок в лужу своей мочи и экскрементов. От трех суток сидения в колодке все тело затекло, и он чувствовал, что не может пошевелить даже пальцем. Стражник несколько раз пнул его, потом сморщился и заорал наверх:

– Этот урод не может даже подтереться. Давай сюда веревку, будем вытягивать.

Когда его вытащили наверх, Грон зажмурился от яркого света. Сухой холодный голос рядом с отворачиванием произнес:

– Обмойте его, от него несет, как от шелудивого осла.

Грона поволокли к каменному корыту и окатили несколькими ведрами воды. Он открыл слезящиеся глаза и глянул на говорившего. Это был сам Первосвященник. Дело шло к священным псам. Грон попробовал незаметно размять мышцы, напрягая и расслабляя их. Получалось не очень. Его схватили за руки и потащили куда-то внутрь большого двора. Когда его выволокли через небольшую калитку во внутренней стене, в уши ударил гул толпы. Стражники, не дав ему оглядеться, швырнули его вниз по небольшой лестнице. Грон покатился по ступенькам, кривясь от боли, но чувствуя, как болезненные удары разгоняют кровь в затекших мышцах. Он по-прежнему щурил глаза, давая зрачкам время приноровиться к яркому солнечному свету.

– На колени, раб.

Грон повернул голову и увидел десять высших жрецов, стоящих полукругом на той площадке, где он лежал. Жрецы стояли с каменными лицами, широкие грязно-бурые накидки колыхались на ветру. Грон с трудом поднялся на дрожащих ногах и огляделся. Он пребывал на узкой площадке, тянувшейся вдоль уступа, образованного сложенным из огромных каменных плит фундаментом храма. Внизу, у самой стены, фундамент переходил в крутой откос, удержаться на котором можно было, только цепляясь руками и ногами за выщерблины в камне, а вдоль всего откоса тянулась узкая, отгороженная кованой решеткой терраска, на которой рычали и кидались на прутья решетки священные псы. Вокруг клубилась огромная толпа. На улицах Тамариса, которые были видны с площадки как на ладони, не было заметно ни одного человека. В порту маячили одинокие фигуры стражников. Казалось, весь город был здесь.

– На колени!

Первосвященник сделал шаг вперед и, поймав ветер, ударил Грона под ребра. Снизу могло показаться, что раб рухнул от одного грозного голоса жреца, так как порыв ветра рва-

нул накидку и скрыл молниеносное движение ноги. Первосвященник сделал еще шаг вперед и вскинул руки над головой. Гул толпы понемногу затих.

– Люди Тамариса! – Гулкий голос Первосвященника далеко разнесся над притихшей толпой. – Возлюбленные дети Сама и Ома, сегодня пламя священного костра возвестило: боги любят вас. Великий знак! Великое чудо!

Толпа восторженно заорала. Первосвященник, опустив руки, гадливо смотрел на беснующихся людей. Подождав минуту, он вновь вскинул руки, утихомиривая страсти. Грон, стоя на коленях, основательно массировал кисти.

– Люди Тамариса, сегодня боги явили нам свою волю! Скорбью наполнились их души, когда они зрили, как низко пал Тамарис. Горшечники и медники не могут продать плоды своих рук, потому что алчные иноземные купцы не соглашаются платить справедливую цену. Рыбаки не могут продать дары благословенных волн, потому что иноземцы, подло захватившие в свои руки солеварни, взвинчивают цену на соль. Ленивые загтры обманом вытягивают у доверчивых детей богов-близнецов последние гроши. Бесстыдные гетеры разрушают семьи и проповедуют похоть, *рабы*... – его голос загремел с обличающей силой, – поднимают руку на священных собак!

Толпа яростно заревела. Первосвященник снова опустил руки. Грон мысленно присвистнул. Дело пахло не просто наказанием непокорного раба, готовилась целая революция. Дав толпе вдоволь наораться, Первосвященник новым взмахом рук успокоил людей и продолжил:

– Но самое страшное – зараза проникла в храм! Он взмахнул рукой, и стоявшие полукругом жрецы расступились.

Грон увидел, как восемь стражников волокут по каменным плитам четыре безвольных тела. Двое были в изодранных накидках высших жрецов Сама и Ома, еще за одним тянулись обрывки накидки заггров, а в последнем Грон узнал... Тупую колоду. Грон скрипнул зубами. Все это напоминало доисторическое издание тридцать седьмого года. Только Сталин был в жреческом плаще и закреплял свою власть над крошечным островом.

– Агион и Гонон, пав столь низко, что разум отказывается поверить, измыслили с помощью заггров отвратить детей Сама и Ома от своих покровителей, осквернить священный огонь. Тридцать дней священное пламя не возвещало воли богов. Тридцать дней в смятении смиренные слуги день и ночь курили благовония и возносили свои песнопения, моля богов-близнецов смилостивиться и указать на нечистых среди нас, и сие *свершилось*!

Толпа бесновалась, в воздух летели камни, палки, ошметки одежды. Грон наклонился к Тупой колоде:

– Почему ты здесь?

Она, хрипло дыша, повернулась к нему и попыталась улыбнуться разбитыми губами. Ее лицо превратилось в один сплошной синяк. Грон знал, что сам он выглядит не лучше, но такое лицо у женщины он не видел со времен подвалов Львовского МГБ.

– Меня поймали, когда я пыталась принести тебе поесть.

Грон скрипнул зубами.

– Зачем? Неужели ты не знала, что ничего не выйдет, мою яму почему-то стерегли днем и ночью.

– Это не твою, рядом сидели они. – Она с трудом кивнула в сторону валявшихся жрецов.

– Тем более.

Тупая колода поперхнулась, сплюнула сгусток крови и печально кивнула:

– Знаешь, мне хотелось еще раз взглянуть на тебя, ты – лучшее, что было в моей жизни. Я знала, что у тебя живет эта маленькая сучка, но так боялась потерять тебя, что молчала. Но, боги, как мне хотелось выпарапать ей глаза. – Она опять закашлялась, утерла кровь с подбородка, у нее были отбиты все внутренности. – Да и потом, мне было наплевать, что со мной будет. Раньше я жила, как священный пес: кормежка и сон, иногда мужик, правда самый гряз-

ный и противный, потом появился ты... Я знаю, ты тоже делал это за кормежку и сон, но ничего лучше у меня уже не будет, а если самое лучшее, что могло произойти с тобой в этой жизни, уже произошло, зачем жить дальше?

Грон прикрыл глаза. Черт возьми, Тупая колода – толстая, тупая, вонючая бабища... Он полный кретин – она же любила его! Он почувствовал, как ярость растекается по жилам, освежает и наливает злобной, бешеной силой измученные мышцы. Первосвященник опять начал что-то возвещать, но Грон его не слушал.

– А что с Зеленоглазой? – Он понимал, что этот вопрос доставляет ей боль, но не мог не спросить.

Она грустно улыбнулась.

– Я знала, что ты о ней спросишь. Не беспокойся, она со своей хозяйкой бежала из Тамариса. Три дня назад, когда начали громить жилища гетер. Сегодня в Тамарисе не осталось ни одной гетеры.

– А как же храмовые?

– Над ними натешилась толпа, а то, что от них осталось, сбросили в рабские ямы. Я благодарил бога, что такая уродина, толпа не разбирала, кто гетеры, а кто просто хорошенькие. Многие плакали над своими красивыми дочерьми, которым, к несчастью, довелось оказаться на улице в тот день. Да и нищим не повезло – никто не разбирал, заггр это или не заггр...

Тут Грон почувствовал, как его хватают за руки и поднимают на ноги. Извернувшись, он бросил взгляд на Тупую колоду: она не держалась на ногах, двоим стражникам ее удержать не удалось, подбежали еще двое. Всех пятерых приговоренных подтолкнули к самому краю. Толпа внизу ревела в экстазе. Первосвященник сделал шаг вперед и вновь поднял руки. На этот раз ему пришлось стоять так довольно долго.

– Возлюбленные дети Сама и Ома, так покажем же богам нашу верность, вознесем хвалу, и да простирается их охраняющая рука над нашими домами!

Последовал новый взрыв криков. Когда он поутих, Первосвященник повернулся к узникам.

– Пусть же сам народ возвестит предателям и богохульникам их судьбу. – Он упер указующий перст в первого из осужденных жрецов. – Агион, верховный жрец Сама, помысливший предать Отца своего, коему должен был служить во благо народа Тамариса, – наказание ему?

И толпа на площади заорала:

– СМЕРТЬ!!!

Первосвященник взмахнул рукой, и стражники толкнули избитого старика вниз, в загон к священным собакам. Толпа ревом сопровождала весь полет, а когда собаки набросились на упавшее тело, рев перешел в визг. Пока жертва шевелилась, неуклюже пытаясь оттолкнуть оскаленные пасти, толпа бесновалась. Но вот все затихло, и Первосвященник вновь повернулся к узникам. И вновь зазвучал над площадью его торжествующий голос.

– Гонон, верховный жрец Ома, сомысленник и сообщник Агиона, – в голосе Первосвященника усилились гневные нотки, видимо, Гонона он ненавидел больше, чем Агиона, – тварь, осквернявшая священное пламя, дабы боги-близнецы не смогли подать знак смиренным детям своим...

Он не успел даже закончить обвинение, как толпа заорала:

– СМЕРТЬ!

И еще одно тело полетело вниз. После очередного взрыва воплей Первосвященник продолжил:

– Согей, старший заггр, чужеземец, прижившийся на земле Тамариса и обиравший со своей стаей лентяев и обманщиков доверчивых детей богов-близнецов, какая будет кара ему?

На этот раз крики «смерть» звучали гораздо тише, заггры были чем-то вечным, неизменным и, после того угара смертей и разрушений, через который город прошел три дня назад, уже

не воспринимались как угроза. Но толпа была разгорячена двумя первыми смертями, и заггро тоже полетел вниз. Первосвященник почувствовал спад энтузиазма толпы и решил побыстрее закончить:

– И чтоб умиловить наших отцов и искупить слепоту и доверчивость, пусть примут *они* этих заблудших, кои в неведении, обманутые отступниками, сотворили страшное: подняли руку на глаза и уши богов – священных псов. Пусть идут к богам без злобы и зависти нашей, да простится им содеянное. – И Первосвященник, отступив назад, негромко сказал стоящему рядом седому жрецу: – Ты был прав, Заогон, хватило двух первых.

Тот кивнул, и в этот момент Грон почувствовал, как у него внутри словно лопнул пузырь сдерживаемой ярости. Он уперся руками в своих конвоиров, приподнялся, расставил ноги, потом резко согнулся – оба стражника, вопя от ужаса, полетели вниз. А Грон одним движением скользнул к строю жрецов.

– Значит, Заогон был прав? – Он вытянул руки, схватил Первосвященника и Заогона за шеи и прошипел: – Вы запомните этот день до конца своей жизни. – Потом расхохотался и заорал: – Вы просто не успеете его забыть!

Тут раздался крик Тупой колоды. Стражники, бросившиеся на помощь жрецам, просто спихнули помеху вниз. Грон мгновение провожал ее взглядом, а потом поднял побелевшие от ярости глаза.

– Весь ваш поганый город не сможет его забыть!

Он швырнул обоих жрецов, как тряпичные куклы. Те, вопя и кувыркаясь, полетели вниз, но Грон на них не смотрел, он шел вдоль смешавшейся толпы жрецов и стражников и хватал всех, кто попадался ему под руку. После того как четвертый стражник, кувыркаясь, полетел вниз, остальные бросились врассыпную. Грон окинул обезумевшим взглядом пустую площадку, притихшую толпу внизу, опустил глаза на рычащую свалку у подножия храма и улыбнулся, но так, что люди внизу у решетки отшатнулись.

– Вам мало? Ждите, я иду!

Он прыгнул вниз. Псы, занятые дракой из-за свалившегося на них богатства, не сразу осознали, что сверху прилетело еще что-то. А Грон зарычал и бросился к калитке в ограде. Стражники, стоявшие у калитки, испуганно отшатнулись. И Грон, просунув руки сквозь прутья решетки, со всей силы своей ярости надавил на засов. Тот затрещал. Опомнившиеся стражники бросились к нему, но было уже поздно. Бронзовые гвозди вывернуло, и калитка распахнулась. Священные псы, учуяв выход, оставили драку и с горящими глазами бросились в калитку. В толпе раздались крики ужаса, и люди брызнули врассыпную. Грон проводил взглядом собак и повернул обратно. Тупая колода была еще жива. Он положил руку ей на глаза и почувствовал легкое дрожание. Когда он убрал руку, она медленно открыла глаза. Губы шевельнулись, издавая еле понятные звуки.

– ...Бивой?

– Молчи. – Он накрыл ее губы пальцами. – Я посижу тут с тобой.

Она «кивнула» ресницами. В дальнем конце загона шевелилась какая-то фигура в окровавленном тряпье, из города слышались рычание и отчаянные вопли. Тупая колода вдруг открыла глаза и потянулась губами. Он наклонился к ней и услышал:

– Меня зовут Лигея, да хранят тебя боги-близ...

Она судорожно всхлипнула и обмякла. Грон посидел еще минуту, потом поднялся и вышел из загона. До самых городских окраин валялись куски мяса, окровавленные тела, издавая стоны, ползли к домам либо лежали неподвижно. Он вытер взмокшее лицо. Когда рука коснулась губ, во рту стало солоно. Он отнял руку от лица и поднес к глазам – она была в крови.

– Черт. – Грон опустил на корточки и вытер руку о песок. – Дерьмо собачье, с этим миром надо что-то делать.

Эта мысль захватила его. А может, он оказался здесь именно из-за того, что кто-то тоже так решил? Он уселся на песок. Чепуха, так можно и в Бога поверить. Грон задумался. До сего дня он болтался на поверхности событий, как льдинка в проруби весной. Зачем ему знать, как он сюда попал? Вернуться обратно? Глупо. Разве ему снова хочется стать одиноким, умирающим стариком? Значит, надо устраиваться здесь. Но как? Разбогатеть? Или стать царем? А может, создать свою империю? Или религию? Но что может сделать один человек? Грон окинул взглядом разгром, учиненный им, и усмехнулся: да в общем-то не так уж мало. Потом ему пришло в голову, что он выбрал не совсем удачное место для поисков смысла жизни. Грон вскочил на ноги и двинулся в сторону порта, на ходу разминая пальцы рук, как это делают хирурги. Поймав себя на этом жесте, он улыбнулся. Философия философией, а, как говорил последний генсек, процесс пошел. Именно с этим жестом Грон всегда принимался за новую работу.

Порт напоминал издыхающую медузу. Обгоревшие остовы двух небольших торговых кораблей сочились у обреза воды горьким, вонючим дымом. Около них в кучах вываленного добра копошились портовые нищие, но их было немного, – видимо, все ценное было уже разграблено. На пирсах и у схода толпились матросы, вооруженные копьями и дубинами. Портовые груды, как стаи бездомных собак, рыскали по берегу, пытаясь прорваться на пирсы или вскарабкаться на борт какого-нибудь одиночного корабля. Грон постоял на откосе, оценивая картину, потом не торопясь спустился к пирсам. У дальнего пирса он заметил одиноко стоящий корабль и груду Тамора напротив кучки матросов. У схода лежала большая кipa хлопковых тюков. Для груды этот товар особой ценности не имел. Сами они продать его не могли, так что пришлось бы отдать скупщику за десятую часть его стоимости, но это был небольшой корабль, и стоял он совсем один. К тому же всегда можно рассчитывать, что капитан или купец везут с собой что-то в кошельках. Да и, судя по одежде, у простых матросов в кошельках тоже звенела не только медь. Грон подошел к груде сзади и остановился, прислушиваясь. Через несколько минут он понял, почему груда еще не напала. Матросов, некоторые из которых были вооружены копьями или палицами, а кое-кто даже мечами, возглавлял капитан – высокий человек с обнаженным мечом. Он был одет несколько добротнее остальных, но на этом различие и заканчивалось.

– Вам нечем поживиться на этом корабле, – громко говорил он, – мы все одного рода, и все наши деньги ушли на покупку товара, он ценен для нас – жителей севера, для вас он бесполезен. Единственное, что вы найдете здесь, – это смерть. Мы будем защищаться. – Он перевел дух и указал свободной рукой на хлопок. – Мы бедный род, и здесь все наше достояние. Пока хоть один из нас останется в живых, вы будете умирать... Вы получите только смерть. – Он судорожным движением заглотнул новую порцию воздуха и продолжил в том же духе.

Грон криво усмехнулся: бесполезно пугать свору собак тем, что кучка волков сильнее. Груда почувствовала запах крови. То, о чем говорил этот человек, судя по всему, было правдой. Но это ничего не меняло. Груде было наплевать, сколько из них погибнет – смерть одних лишь увеличивала долю других, и каждый считал, что сегодня еще не его очередь. Грон шагнул вперед, плечами раздвигая столпившихся людей, кто-то заворчал, развернулся, Грон, не останавливаясь, двинул локтем, ткнул кулаком и оказался рядом с Тамором. Тот услышал шум и обернулся. Увидев Грона, он оскалил зубы в приветственной улыбке.

– Ты удрал? – Он удовлетворенно кивнул. – Пришел вступить в груду?

Грон отрицательно покачал головой.

– Нет, – он спокойно опустил на корточки и протянул руки к воде, – всего лишь помыться.

Пока Грон плескался, смывая кровь, Тамор молча разглядывал его.

– Сколько ты уложил?

– Не знаю, не считал.

Тамор кивнул.

– Так зачем же ты в порту? Если хочешь поквитаться с Одноглазым, тогда ты опоздал. Он исчез на следующий день после того, как ты попал в храм, а его рвань тут же приبلудилась ко мне.

Грон задумчиво посмотрел на капитана и негромко ответил, не поворачиваясь к Тамору:

– Я решил покинуть этот столь гостеприимный остров. Думаю поговорить о цене за перевозку с каким-нибудь капитаном. Что скажете, господин?

Тот посмотрел на него. Лицо капитана побелело, губы судорожно сжались. Тамор раздраженно мотнул головой.

– Тебе стоит поискать другой корабль.

– У меня нет денег, я поплыву на том, который окажется дешевле.

Капитан почувствовал, что на весы судьбы неожиданно свалилась еще одна гиря, и его чаша медленно пошла вверх.

– Если мы отплывем, вы – наш гость.

Грон повернулся к Тамору.

– Ну что ж, пора прощаться.

Тот несколько мгновений испепелял его яростным взглядом, потом вдруг расхохотался:

– Знаешь, я понял, что мне в тебе нравится: я еще никогда не встречал столь уверенной в себе сволочи. – С этими словами он хлопнул его по плечу и, повернувшись, пошел прочь, не обращая внимания на людей, отпрыгивающих с его пути.

Груда, глухо ворча, потянулась за ним. Капитан вытер пот со лба и, повернувшись к Грону, окинул его настороженным взглядом. Видимо, в его голове вертелся вопрос: *кого* же он взял к себе на корабль? Потом сунул меч в ножны и жестом указал на сходни.

– Прощу. – Он бросил взгляд на его вонючую, замызганную набедренную повязку. – Пока мы догружаемся, вы можете переодеться. У меня на корабле найдется пара вещей, подходящих вам.

Грон кивнул и двинулся по сходням. Перед тем как шагнуть на палубу, он остановился и повернул голову. Над городом висело черное марево, а храм был без обычного пояса факелов и освещен только отблесками священного пламени, которое казалось зловещим. Над этим островом простер свои руки хаос. Грон грустно усмехнулся. Сколько раз в прошлой жизни он погружал в хаос порта и города, но тогда это все было ради чего-то, что казалось правильным. А что считать правильным в этом мире? Матрос, поднимавшийся по сходням с тюком хлопка на спине, слегка толкнул его в спину. Грон отвернулся и шагнул вперед. Его ждал этот мир.

Они вышли из порта трое суток назад, и все время море было спокойным. Как и говорил капитан, все члены команды были из одного рода. Они были с побережья горной страны Атлантор, там жили рыбаки, торговцы и морские разбойники. Их род был рыбацким, и это была их первая торговая поездка. Год назад море выбросило на побережье небольшой торговый корабль. Возможно, судно разграбили морские разбойники, хотя не понятно, почему они не увели корабль, а может, его унесло со стоянки или команда покинула его в бурю. И жители небольшой рыбацкой деревушки решили попытать счастья. Каждая семья дала, сколько смогла, чтобы купить товар. Капитан в молодости ходил с морскими разбойниками и потому был за старшего. Остальные впервые вышли в море на корабле. Если бы они вернулись с грузом хлопка и продали его в окрестных деревнях, то за одну поездку каждая семья заработала бы столько, сколько ловлей рыбы за три удачных года. Поэтому они были благодарны Грону и старались честно выполнить условия сделки, но не более. Ведь он был чужаком.

На исходе третьего дня матрос на мачте вдруг что-то тревожно закричал, указывая на каменистый островок, скорее даже одинокую скалу, мимо которой они проплывали. Капитан

бросился к борту – над казавшейся безлюдной скалой поднимался столб дыма. Капитан сквозь зубы выругался и заорал:

– Все на весла, быстрее.

Моряки быстро заняли свои места, и через минуту вдоль бортов корабля поверхность моря вспороли восемнадцать лопастей, корабль прибавил ходу. Капитан вскарабкался на мачту и, повиснув рядом с матросом, осматривал горизонт. Некоторое время были слышны только скрип уключин и плеск воды о нос корабля. Потом капитан и матрос закричали одновременно. Из-за скалы выплывали два хищных узких силуэта. Капитан спрыгнул на палубу и вытащил из-за пазухи амулет. Но лицо его было мертвенно-бледным. Он пробормотал какую-то молитву и повернулся к Грону:

– Прости, чужеземец, я не знаю, какой ты земли, но тебе лучше обратиться к своим богам. Мы не сможем сдержать данного тебе слова, но я надеюсь, что к тому моменту, когда позор падет на наши головы, мы будем уже мертвы.

Грон слушал его, внимательно разглядывая быстро разворачивающиеся в их сторону галеры.

– Это пираты?

Капитан кивнул.

– Ситаккцы, худшие из тех, кто рыщет в этих морях. Они никогда не отстают от своей добычи. Те, кто выживет после схватки, станут рабами и будут завидовать мертвым. – Он погладил свой амулет. – Я просил для нас легкой смерти.

Грон несколько мгновений рассматривал преследователей.

– Как скоро они нас догонят?

Капитан равнодушно прикинул расстояние.

– Если судить по их скорости, часа через два, но, вероятно, раньше. Скоро начнет темнеть, если бы не это, они бы гнали нас до тех пор, пока не подошли бы борт к борту – зачем убивать будущих рабов? А теперь они побоятся нас упустить и, как только мы окажемся в зоне поражения, начнут стрелять из баллист и катапульт.

Грон кивнул и замер, разглядывая сложенные в открытом трюме и аккуратно перетянутые веревками кипы хлопка. В голове крутились кое-какие мысли. Но действовать было рано. Час прошел в напряженной работе на веслах. Люди надрывали жилы, даже не видя никакой надежды, только в силу привычки не сдаваться до конца. Не было слышно горестных криков, яростных обвинений, предложений сдаться и не тратить понапрасну силы, только скрип весел в уключинах и плеск воды о борта. Атланториане молча гребли навстречу своей судьбе. Когда первое копьё, выпущенное из баллисты, вспороло воду за кормой, Грон отпустил весло и, подныхавшись с банки, подошел к капитану. Тот вскинул на него глаза, не прекращая грести.

– Есть ли у тебя план, как спастись?

Капитан удивленно уставился на него. Грон выждал несколько мгновений и, не дождавшись ответа, продолжил:

– Может ли чужеземец непоправимо ухудшить ваши дела?

Капитан сузившимися глазами смотрел на него, но на этот раз медленно покачал головой.

– Тогда прикажи команде сделать, как я скажу, и, может быть, мы спасемся.

В этот момент второе копьё вспороло воду за кормой корабля. Капитан бросил взгляд назад и, поняв, что времени на объяснения нет, вскочил со скамьи.

– Родичи, мы сделаем так, как скажет этот чужеземец. – Ион шагнул вперед и стал рядом с Гроном, красноречивым жестом вытянул меч.

Грон молча протянул руку к мечу. Капитан несколько мгновений мерил его взглядом, потом повернулся к одному из матросов:

– Логр, возьми лук. – И, дождавшись, когда моряк выполнит приказание, отпустил рукоять меча.

Грон шагнул к тюку хлопка и двумя движениями перерубил веревки. Один из гребцов яростно закричал:

– Он портит наш хлопок!

Грон резко развернулся и, мотнув головой в сторону приближающихся врагов, произнес ясно и четко:

– Я порчу *их* хлопок. – Потом, дав всем привыкнуть к этой мысли, приказал: – Всем, у кого есть мечи, – рубить тюки.

Когда все было выполнено, он крикнул:

– Бросай весла, груз за борт!

Атланториане молча начали швырять хлопок в воду. Грон повернулся к капитану, сумрачно смотревшему на гибель груза.

– Сколько луков на судне?

– Пять. – Капитан с трудом оторвался от горького зрелища.

– Всем лучникам взять луки – и ко мне, остальные на весла.

Галеры приблизились. Первая шла прямо в кильватере, а другая чуть в стороне и позади. Судно, на несколько минут лишившееся гребцов, уменьшило ход, и на галерах решили поберечь будущих рабов, однако, когда за борт полетел груз, с галер донеслись крики ярости. Ситаккцы были возмущены тем, как уменьшается ценность их добычи. Атланториане вновь взялись за весла, а рядом с Гроном выстроились пятеро лучников. Он взял кусок хлопка из последнего оставшегося тюка и обмотал наконечник стрелы.

– Всем делать так. – Потом повернулся к первой из нагонявших их галер.

Она стремительно приближалась к покрывшим поверхность воды белым хлопьям. Грон схватил разоженный им, пока остальные выкидывали хлопок за борт, фитиль и поднес к стреле первого лучника, уже положенной на тетиву. Атланториане быстро ухватили суть дела. Через мгновение первая стрела ушла к горизонту. Когда стрелы кончились, все напряженно стали всматриваться в поле хлопка, качающееся на поверхности воды. С высокого борта галеры первыми заметили результат. Раздались крики, весла поднялись в воздух и замерли, потом двинулись назад. Но было поздно. Отдельные язычки пламени вдруг превратились в ревущую стену огня. Галера, замедляя ход, воткнулась в эту стену. Попытка остановиться лишь усугубила ситуацию. Пламени было предоставлено больше времени, чтобы прочно вцепиться в крутые смоляные бока. И вот из поля горящего хлопка выплыл огромный факел. Атланториане восторженно орали. Но Грон поднял руку и прокричал:

– Их две!

Все опомнились. Крики тут же утихли, и люди вновь заработали веслами. Капитан, встав у руля, повел судно, заслоняясь пожаром от второй галеры. Еще почти час все остервенело гребли. Казалось, спасение близко, но солнце только успело коснуться горизонта, когда воду за кормой вновь вспорол копьё. Грон встал с банки и, прищурясь, посмотрел на приближавшуюся смерть. Капитан повернулся к нему, и на какое-то мгновение его лицо озарила новая надежда, но потом все померкло, и он устало произнес:

– Спасибо тебе, чужеземец, мы уйдем к предкам, как великие воины, и они достойно встретят нас в небесных морях.

Грон стоял, прикидывая шансы. Что так, что эдак – для него выхода не было, а вот эти люди могли спастись. Он досадливо поморщился, опять он не знал, во имя чего собирался в одиночку шагнуть навстречу костлявой, и повернулся к капитану.

– Мне нужны два ножа.

Капитан молча смотрел на Грона. А матросы, не вставая с банок, стали швырять ему ножи. Грон наклонился и выбрал из кучи два самых острых и лучше сбалансированных, пару раз подкинул их в руках, привыкая к балансу, и начал неторопливо раздеваться. Капитан напряженно смотрел на него.

– Ты хочешь плыть им навстречу?

Грон молчал. Капитан быстро вытащил свой нож из кучи и тоже принялся раздеваться. Когда Грон положил руку ему на плечо, капитан упрямо вскинул голову.

– Мы дали слово. Я не могу отпустить тебя одного.

Грон пожал плечами.

– Другим там делать нечего, ты будешь только мешать.

Капитан в упор смотрел на него.

– Я могу остаться, тогда мы погибнем все. – Грон усмехнулся. – У меня, может, ничего не получится, и тогда мы тоже погибнем все, но, может, и получится... – Он сделал паузу, но в глазах капитана все так же горели упрямые огоньки. Грон вздохнул. – А ты понимаешь, что я хочу сделать? Или ты думаешь, что я решил этими ножичками порезать весь экипаж галеры?

Капитан сник. Грон сказал:

– То-то, – и шагнул к борту.

За спиной раздался голос капитана:

– Назови свое имя, чужеземец, и клянусь, если мы увидим свой берег, у каждого из нас будет сын, с гордостью носящий его.

Грон ступил на борт.

– Когда-то меня звали Казимир, но сейчас мое имя – Грон. – С этими словами он оттолкнулся и ринулся в набегающую волну.

Он вошел в воду без всплеска, как упавший в воду нож, только пена вскипела у тела. Грон плыл под водой, сколько хватало воздуха. Когда он вынырнул, галера была уже близко. Он высунул из воды голову, прикинул расстояние, скорость, ритм движения длинных, тяжелых весел, сделал несколько гребков и снова нырнул. Он чуть не промазал, едва успев вцепиться в опустившееся весло. Промедли он хотя бы мгновение, и на следующем гребке ему раздробило бы голову тяжелой лопастью. Гребец на галере почувствовал, что на его весле повисло что-то тяжелое, и заорал, сбившись с ритма. Весь левый борт, суматошно путаясь веслами, прекратил грести. Надсмотрщики бросились к гребцам, хлестая бичами. Растерянные рабы побросали весла и упали на палубу, заслоняясь от ударов. Грон вскарабкался по веслу, повисшему под углом на кожаной петле, и встал, уцепившись за нависающий борт. Он перевел дух, потом двинулся вдоль борта, шагая по веслам и полосуя ножом ременные петли, на которых крепились весла. Весла начали с грохотом падать в воду. Грон добрался до кормы и прыгнул, зацепившись за фальшборт. К тому времени до пиратов стало доходить, что беспорядки на гребной палубе вызваны чем-то большим, чем нерадивость рабов. Но было уже поздно. Грон появился на кромке борта – по ножу в каждой руке. Бросив взгляд по сторонам, он метнул оба ножа, и двое матросов, стоящих у рулевого весла, повалились на бок, заваливая руль. Грон в два прыжка взлетел на мостик и двумя ударами ребром ладони разбил гортани бросившимся к нему пиратам. Подхватив топор одного из погибших, он прыгнул к рулевому веслу и рубанул по удерживающим его канатам. Потом еще. Когда весло поползло вниз по желобу, он почувствовал, что за его спиной кто-то стоит, но повернуться уже не успел. Затылок взорвался от чудовищного удара. Последнее, что он успел увидеть, – пустой желоб рулевого весла. В голове мелькнуло: «Удалось...» – и все погрузилось во тьму.

Вода хлестнула по лицу и тоненькими струйками потекла со слипшихся волос. Грон мотнул головой и попытался открыть глаза. Тело сильно болело, он чувствовал себя так, будто по нему проскакал табун лошадей. Голова кружилась, и ему казалось, что он куда-то летит. Веки с трудом поползли вверх. Грон старательно сфокусировал мутную картину, и его взгляду предстала висящая над головой палуба, по которой вверх ногами сновали босые матросы. Потом до него дошло, что это он висит вниз головой.

– Ты смотри, очнись, – акцент был резким, а голос грубым и визгливым.

Спину обожгло ударом бича. Грон попытался пошевелить затекшими от долгого висения руками, но с первой попытки ничего не вышло.

– Опусть эту медузу на палубу, Загамба, – раздался зычный бас откуда-то сверху.

– Вот еще, – фыркнул прежний голос, – я только начал развлекаться. Эти северные варвары обычно требуют некоторых усилий, прежде чем начинают вопить и сражаться.

– Слушай, ты, жирная мразь, ты что, не слышал, что сказал капитан? – вступил в разговор третий голос.

– Он убил Харрагу! – истерично взвизгнул первый голос, но послышался удар, плаксивый вскрик, и Грон рухнул на палубу.

От удара затылком перед глазами пошли круги. Когда немного отпустило, ему в бок воткнулась чья-то нога.

– Встать.

Грон охнул и неуклюже поднялся. Ноги дрожали, перед глазами все плыло, а руки еле двигались. Грон повел глазами по сторонам. Его окружала довольно плотная толпа пиратов. Хотя держались все на расстоянии. Видимо, за время короткой схватки он недурно показал себя. Быстро «прокачав» ситуацию, Грон решил не торопить события, а воспользоваться неожиданной отсрочкой, и принялся незаметно разминать мышцы, напрягая их попеременно.

– Да он похож на пьяного краба...

– Скорее, драный скробоед...

– Да нет, он вонючий древоточец...

Толпа развлекалась. Грон закончил с мышцами и занялся суставами, вращая руками и пританцовывая на месте.

– Ты что, танцевать собрался?

Грон мотнул головой и, обведя круг тесно сомкнутых лиц спокойным взглядом, лениво произнес:

– Да нет, просто, раз уж жив, собираюсь продолжать надирать вам задницу.

На палубе установилась мертвая тишина. Грон невозмутимо двинул пару раз кулаками по воображаемому противнику и опустил руки. И тут чей-то громкий бас оглушительно захохотал. Потом к нему присоединился еще голос, еще, и вскоре галера сотрясалась от хохота.

– А ты забавен, северянин. Клянусь, я не сразу тебя убью. – Зычный голос принадлежал крупному чернявому мужику, одетому в цветастый венецкий халат.

Грон улыбнулся:

– Тогда, может, кто-нибудь даст мне промочить горло. А то скоро в моей глотке можно будет жарить яичницу.

Через мгновение Грон понял, что верно просчитал толпу. Его оглушил новый взрыв хохота, потом его восторженно двинули по спине, и в руке оказался кувшин с дрянным кислым винцом. Его возбужденно обступили, и никто не увидел, как Загамба вытянул из ножен длинный кривой нож и замахнулся. Грон краем глаза заметил движение и успел присесть, кинжал полоснул по плечу, а толпа тут же прыгнула в сторону. Пираты, громко вопя, разбежались, освобождая место для развлечения. Грон отскочил, уворачиваясь от кинжала. Кто-то возбужденно орал, молотя ладонью по борту, а голос капитана насмешливо произнес:

– Ты хотел продолжать надирать нам задницу.

Толпа жаждала зрелища. Грон сплюнул на палубу и шагнул к Загамбе. Тот махнул кинжалом, но в следующее мгновение его рука оказалась зажата под мышкой у Грона, а глаза сместились к переносице, удерживая в фокусе быстро опускающийся на лоб кулак. Грон выпустил обмякшее тело, а кинжал воткнул в мачту. Потом пнул валявшееся тело и буркнул:

– Ну никакого интереса – пачкаться о такие задницы.

Народ разочарованно стал расходиться. Все закончилось слишком быстро и бескровно.

– Эй, северянин!

Грон повернулся на голос. Капитан насмешливо смотрел на него. Он лениво шевельнул ладонью. Грон не торопясь подошел поближе.

– Ты вроде бы не из тех, кто расползается от первой же стрелы?

– Спроси об этом своих приятелей с другого корабля, капитан.

– Они мне такие же приятели, как акула акуле. Я всю жизнь терпеть не мог этого Загамбу. Так что вы только оказали мне услугу, – хохотнул капитан. – Ну да ладно. – Он замолчал и, воткнув в Грона оценивающий взгляд, вкрадчиво произнес: – Я бы мог испытать тебя?

Грон ждал этого предложения. Это был наилучший вариант, который можно было придумать посреди широкого моря и при отсутствии поблизости других кораблей. Однако, судя по тону и форме обращения капитана, ему следовало слегка набить себе цену.

– Шакалить полунищих «приблудных», ха, нашел сопляка.

Капитан картинно оскорбился, но в глазах окруживших его пиратов Грон уловил одобрение.

– Каждый из моих людей к осеннему семилунью имел долю не менее пятидесяти золотых.

Грон недоверчиво скривил губы. Капитан гордо выпятил живот. Толпа одобрительно зашумела.

– Ну и сколько ты положишь такому бойцу, как я?

Капитан воздел глаза вверх, потом почесал объемистое пузо, выпятил губы и причмокнул:

– Скажем, восьмисотую долю.

Пираты с улыбками переглядывались. Грон понял, что его пытаются надуть. Он в свою очередь задумчиво поднял глаза вверх. Уголками зрачков отметил двух лучников на мачтах и, продолжая сохранять задумчивый вид, лениво спросил:

– А если я не соглашусь?

Капитан захохотал.

– Мы никого насильно не тащим, не согласен – можешь идти на все четыре стороны! – И он махнул рукой в сторону борта.

Грон несколько мгновений подумал, представляя, какую мясорубку он мог бы сейчас устроить, но что потом? Следующая мысль была более пугающей, он поспешно отодвинул ее подальше, в дальний уголок сознания, и торопливо брякнул:

– Пятисотую.

Толпа одобрительно загудела – тут не понимали людей, которые ценили себя слишком дешево. Капитан, как видно, тоже не был огорчен таким развитием событий. Он довольно хлопнул Грона по плечу:

– Идет, да освятят духи предков наш договор. А сейчас, матрос, тебя ждет гора нечищеной рыбы.

И тут же несколько новоиспеченных приятелей поволокли Грона к носовому обрезау, где на приподнятой над палубой абордажной площадке виднелась гора рыбы.

– Новенький? – Коком оказался толстобрюхий дядька с огромным шрамом от уха до шеи, к тому же увешанный колющими и режущими предметами, как коммивояжер местной кузни. – Прекрасно, значит, старому Узгару не придется самому мараться в рыбьей чешуе. – Он отцепил от пояса здоровенный тесак и швырнул к ногам Грона. – Пока мы по твоей милости вылавливали весла из воды, наши молодцы наловили эту кучу. Так что тебе и нож в руки. – И он демонстративно повернулся и величественно отошел к борту.

Грон вздохнул и уселся на борт, вытянув из кучи первую рыбину.

Руки работали сами по себе, а он выудил из дальнего уголка сознания ту, напугавшую его, мыслишку и начал обсасывать ее со всех сторон. Через полчаса он пришел к выводу, что пора остановиться. Все дело было в теле. Когда, в процессе разговора с капитаном, он представил бойню, которую мог бы устроить, то поймал себя на мысли, что ему нравится эта картина. Это

его испугало. На протяжении всей прошлой жизни он не раз убивал людей. Иногда незаметно, иногда кроваво, иногда быстро и безболезненно, а иногда долго и мучительно. Грон не испытывал особых угрызений совести. Это было неотъемлемой частью его работы, но он всегда ясно осознавал, что ему не нравится то, что он делает. И вот сейчас это ощущение изменилось. Грон «прокачал» все, что с ним произошло, через призму своих ощущений и понял, что дело не только в том, что ему вдруг понравилось убивать. Это тело все еще не подчинялось ему в полной мере. Он был слишком резок, эмоционален и категоричен. Короче, несмотря на весь свой жизненный опыт, он действительно был юнцом.

Грон бросил в котел последнюю вычищенную рыбину и со вздохом поднялся. Надо было попытаться взнудать свои гормоны, а если не получится, то просчитывать свои поступки с учетом возможной реакции тела.

– Уже закончил? – Кок заглянул в наполненный котел и одобрительно кивнул. – Шустро, был кухонным рабом?

– С чего ты взял? – удивился Грон.

Кок показал на шею, запястья и голени.

– Меня не проведешь, я всегда узнаю следы большой колодки.

Грон хмыкнул и протянул обратно нож.

– Оставь себе, – пробурчал кок, – коль не порезался, значит, умеешь обращаться, а вернешь, как заработаешь меч. И особо не болтай о прошлом, у нас не очень любят людей, которые были рабами. Вот возьми. – Он швырнул кучу какого-то тряпья. – Наш щедрый капитан, да воздадут ему боги за его добрые дела, – кок ухмыльнулся, – приказал подыскать тебе одежду, но велел напомнить, что ее стоимость вычтут из твоей доли. – Он сделал паузу и закончил: – Если доживешь до дележки.

Грон отобрал самое приличное из кучи обносков, обмотал нож какой-то тряпицей и сунул за пояс.

– А почему «если доживешь»?

Кок усмехнулся:

– Так теперь твое место на первом канате. Если б у нас не остался всего один корабль... А тем более если бы у нас была полная команда... В общем, тебе повезло, что ты не в рабской колодке. Ситаккцы неохотно принимают чужаков. И, даже приняв, никогда не упускают возможности передумать.

– По-моему, капитан поклялся предками.

Кок пожал плечами:

– Это же наши предки, разве они не поймут своих потомков, если те поступят не честно, а разумно? В конце концов, разве они не поступали так же?

– А почему ты мне это говоришь?

– Я много повидал на своем веку. Когда-то я был капитаном элитийской галеры, элитийцы более терпимы к чужакам. Ты напоминаешь мне моего зятя, он тоже не ситаккец, я купил его на рынке Аккума как раба для своего сада. В то время ему было столько же, сколько и тебе, но этот стервец-змея влез в мое сердце, и я освободил его и женил на своей дочери. Ему тяжело на моем острове, но он стал ей хорошим мужем. – Он сделал паузу и тихо закончил: – И все же я скажу: не дай бог тебе повторить его судьбу.

– Значит, мне стоит спать всего одним глазом?

– Тебе стоило бы спать всего одним глазом, даже если бы ты был ситаккцем и имел лою капитана в храме Отца ветров.

– Какую лою?

Кок удивленно посмотрел на него и расхохотался:

– Э, да ты совсем сосунок!

– Зато я не боюсь спрашивать.

Кок немного успокоился.

– Когда капитан нанимает пирата, они вместе идут в храм Отца ветров и кладут туда лою, деньги капитана и пирата, которые получают жрецы, если пират или корабль погибнет. Капитанская доля небольшая, всего медяк, но потерять много лой считается плохим знаком: можно не набрать команду в следующий сезон. Но с ситаккцами это бывает редко. Обычно мы нанимаемся грудой, так что каждый имеет возможность иногда спать спокойно, но тебя, чужеземец, ни одна гряда не примет.

– Что ж, спасибо за заботу.

Грон поднялся и подошел к краю абордажной площадки. Вся команда торчала на верхней палубе, только из вонючего зева трюма слышался похожий на стон вой – песня рабов и редкие, ленивые щелчки бича. Пираты разбились на четыре кучки, зорко наблюдая за соседями. Самая большая кучка окружала капитана, но во второй по числу виднелась жирная, приземистая фигура Загамбы. Он понял, почему Загамба был так развязан в перепалке с капитаном, его гряда была почти равна по числу капитанской. Так что вполне вероятно, что, если нет какого-либо табу на смену капитана в море, капитан может и лишиться должности.

– Ну что ж, не самые приятные новости, но временами бывало и хуже.

– Да, – кок серьезно кивнул, – я знаю человека, которому несколько не повезло. Он попытался пообедать акулой, но не учел, что у нее могли появиться такие же планы в отношении его. Так произошло, что она показалась богам более убедительной. Благословляю тебя его именем.

– Значит, ты отказываешься выполнять приказ капитана, чужак?

Загамба стоял перед Гроном, трясаясь от ярости, но, помятуя об исходе первой стычки, не делал резких движений и держал свои жирные, потные ладони подальше от меча.

– Я уже ответил на этот вопрос, Загамба, а глухие или тупые могут спросить у нормальных соседей.

– Ты обозвал меня тупым?!

– Что же еще я должен о тебе думать, если ты, стоя от меня в двух шагах, не слышал то, что слышали даже марсовые.

Загамба издал яростный вопль и повернулся к капитану:

– Капитан, долго еще эта безродная скотина будет унижать честного ситаккца?

– Когда ты был честным, Загамба? И разве можно оскорблять славное имя нашего острова таким непотребным словом? – Капитан расхохотался. – «Честный ситаккец», умора!

Команда, до сих пор сдерживавшая смех, захохотала во всю мощь своих легких. Капитан, отсмеявшись, вытер слезы и махнул рукой Грону.

– Ладно, чужак, ты славно отделал Загамбу, кончай это мясо, и пора считать доли.

Грон перехватил поудобнее короткий и неудобный аккумулящий меч и бросил взгляд на восток. На горизонте виднелся остров Аккум. Именно туда и шел торговец, которого они взяли сегодня с утра. Он перевел взгляд на палубу. Перед ним на коленях стояли два старика: заггр и владелец товара. Судя по заплатанному плащу торговца, тот переживал не лучшие времена, да он и сам признался в этом. Те, кто торговал в этих водах, порой сами затруднялись ответить, кто они – торговцы или пираты: корабль, перевозящий овечью шерсть, мог вполне взять на абордаж соседнего купца и прийти в порт назначения с двойным грузом. Так что чужакам здесь делать было нечего. Чем думал этот старик, когда принимал решение плыть на Аккум, зная, что придется пересекать ситаккские воды?.. Впрочем, вероятно, им двигало отчаяние. Он наотрез отказался платить выкуп и ждал завершения своего жизненного пути, сохраняя на лице скорбное, но твердое выражение. Очевидно, у его родных не было денег. Дядюшка Узгар рассказывал, что пираты частенько меняли безденежных пленных на их детей, причем охотнее всего брали дочерей. Этот либо был бездетным, либо слишком любил своих детей. Второй пленник, старый заггр, был спокоен.

После того как пленники были отсортированы и все, кто годился на продажу, спущены в трюм, капитан ткнул лапой в сторону оставшихся и рыкнул:

– Этих на корм акулам.

Заггр поднял на него глаза, в которых светилась какая-то странная предопределенность, и печально сказал:

– Не бери на себя права богов, человек. Лишь боги определяют, где и когда каждому кончить свои дни.

Капитан слегка оторопел от такой наглости, но тут вылез и Загамба:

– Давай, чужак, ты слышал, что сказал капитан?

Грон вытянул тот самый тесак, что получил в первый день от дядюшки Узгара, и перехватил его лезвием к себе. Ситуация становилась серьезной. Одно дело отшить Загамбу, другое – не выполнить прямой приказ капитана. Тем более ему, чужаку. Он плавал на этой галере уже два месяца. Вся команда, кроме груды Загамбы, давно считала его своим, но он так ни с кем и не сошелся достаточно близко. Для всех он был «безродным», и только дядюшка Узгар, корабельный кок, иногда снисходил до дружеской беседы. Грон облазил весь корабль: в свое время ему приходилось плавать на разных кораблях – от подводных лодок до шхун кипрских рыбаков и китайских джонок. Эта галера была тяжеловата, слегка перекошена и не совсем хорошо сбалансирована, но, в общем, была неплохим судном. Восемь раз за это время они брали торговцев на бордаж, а трижды двойки ситаккских галер пытались взять на бордаж их самих. Он многому научился: одно дело – отрабатывать технику боя холодным оружием с воображаемым противником, даже под руководством такого мастера, каким был Люй, а другое – реальный бой. К счастью, до французской или японской школы фехтования этому миру было далеко. Обучение технике владения оружием, по слухам, практиковалось только в армиях Горгоса и Элитии, да и там основное внимание уделяли тренировкам боевых перестроений. Так что на галере Грон был вне конкуренции. Конечно, в честной схватке. А так во время каждой схватки Грону приходилось хорошо защищать себе спину. Он убил двоих из груды Загамбы, и это не прибавило ему популярности в команде, но все было честно. Они пытались прикончить его, но сами, как говорили пираты, сходили покормить акул. И вот сейчас все летело к черту. Грон вздохнул.

– Ну ты че, чужак, заснул или тебе больше по нраву резать добрых ситаккцев?

Вот так. Эти люди за два месяца не посчитали нужным запомнить его имя, зато то, что он пришил двух из груды Загамбы, не забыли. Грон шагнул к старикам. Те подобрались, а торговец закрыл глаза, ожидая смертельного удара. Нет, Грон не мог убить этих людей. Не сейчас. На протяжении всех этих месяцев он ломал себя, пытаясь задавить, растворить удовольствие от убийства, которое заметил в себе, появившись на этой галере. Только-только он почувствовал, что что-то получается: он опять становился самим собой, он начал действовать в бою, как когда-то, четко контролируя свои эмоции и работая головой, – и вот сейчас... Грон испугался, что, если он даст себе поблажку, все рухнет. Но, с другой стороны, если он не выполнит приказ капитана, вполне может разделить судьбу пленников. Грон поднял меч над головой и несколько раз крутанул им. Черт возьми, надо было быстро что-то решать. Он повернулся к пленникам:

– Бегите к борту и прыгайте в воду, там полно обломков вашего корабля, если повезет, доплывете до берега. – И он двумя ударами меча перерубил веревки, стягивающие их запястья, и подтолкнул пленников к борту.

Торговец изумленно попытался что-то сказать, но заггр схватил его за руку и молча поволок к борту. Пираты завопили. Когда кто-то попытался броситься наперерез, Грон звякнул клинками, рубанув воздух перед его носом, и преследователь в панике отскочил назад. Грон, выставив клинки, развернулся к пиратам.

– Что это значит, чужак? – заорал капитан, а Загамба, возбужденно сверкая глазками, заверещал:

– Измена!

Грон стоял у борта, играя клинками. Капитан хищно ощерился:

– Ну что ж, Загамба, он твой.

Тот довольно улыбнулся и кивнул своей груди. Остальные пираты бросились к противоположному борту, освобождая место для схватки. Грон покачал головой и глухо произнес:

– Ты потеряешь много лой, капитан.

– Не цени себя слишком высоко, чужак, – пренебрежительно фыркнул капитан.

– Живым, взять живым! – заорал Загамба. – Я хочу, чтобы он умирал медленно.

Грон улыбнулся. Загамба совершил самую серьезную ошибку. Нельзя в схватке позволить ненависти одержать верх над разумом. Что ж, его ребятам придется дорого заплатить за это. Люди Загамбы, кольцом окружившие Грона, завопили все разом и бросились вперед. Он не стал ждать, пока их мечи дотянутся до него, и прыгнул навстречу двум самым здоровым. Простая истина боя: один, как бы он ни был умен, не может драться сразу даже против двух. Хочешь победить – навязывай свою волю, заставляй противников подчиняться твоему ритму – налетать на тебя по очереди. Пусть перерывы между атаками будут мизерными, но ты должен заставить их дать тебе эти перерывы. Грон был доволен тем, как шла схватка. Первого он уложил сразу. Тот не был готов к тому, что чужак оторвется от борта, прикрывавшего от нападения сзади, и прыгнет навстречу, – поэтому даже не успел опустить занесенную палицу. Грон насадил его на тесак, чуть повернул лезвие и выдернул. Второй получил коленом в живот, и, после того как он согнулся, Грон разрубил ему шею между четвертым и пятым позвонком. Выскочив за кольцо атакующих, Грон бросился вдоль левого фланга, рубя конечности и обрушивая аккумуляский меч на бритые затылки. Через несколько мгновений он вновь стоял спиной к борту, а нападавшие откатились назад, оставив на скользкой от крови палубе четыре неподвижных тела и еще троих, скулящих и прижимающих к груди обрубки рук.

– Ну что, капитан, не передумал? – Грон старался, чтобы его слова звучали ровно, но в глубине чувствовал, как дрожит от возбуждения.

Он мысленно выругался. Лучше б он прикончил этих стариков, один черт, сорвался. Но, с другой стороны, Загамба его уже достал, так что, пожалуй, все происходящее было закономерно. Да и дедов немного жалко. Он бросил взгляд за борт: нет, до берега далеко, доплыть бы он смог, но его сто раз подстрелят из луков. Недалеко от галеры виднелся какой-то большой корабль с мощным тараном и двумя рядами весел. Марсовый, видимо, тоже увлекся дракой, так что крик раздался только сейчас:

– Элитиец слева по борту!

Капитан бросил взгляд и отвернулся.

– Заткнись, кретин, это боевая триера, ее даже двойкой галер не возьмешь.

Загамба привел своих людей в порядок, и они вновь двинулись вперед. Но на этот раз более осторожно. Они подобрались на два шага и затем, вопя, кинулись на Грона. Он резко упал под ноги нападающим, кувыркнулся, полоснув по сторонам и над головой обоими клинками, и вскочил на ноги – лицом к спинам нападающих. Когда враждующие стороны разошлись по «углам ринга», на палубе лежало уже девять трупов. Грон перевел дух и ослабил, сдерживать переполнявшую его ярость он уже не мог, а потому прорычал в испуганные пиратские морды:

– А что, добрых ситаккцев резать гораздо приятнее, чем еле живых стариканов.

Этого капитан уже снести не мог.

– Эй, акулы, взять его.

Грон понял, что у него нет шансов, но сейчас ему было наплевать: где-то в глубине, под морем ярости и восторга от схватки, занозой сидела мысль, что он не должен так реагировать, но желание убивать заполонило все его сознание. Он не стал дожидаться, когда команда бро-

сится на него, и сам кинулся вперед. Последнее, что он видел перед глазами, – это шматки крови, летящие ему в лицо...

Сознание медленно возвращалось. Тело сильно болело.

– Чего же ты стоишь, Загамба, я же сказал, что он твой.

Грон с трудом выплыл на поверхность из тягучей шумной глубины, голос говорившего был угрюмый и странно знакомый.

– Будь я проклят, капитан, если прикоснусь к нему. Должно быть, в него вселилась душа Хорки, кита-убийцы, да простят нас достойнейшие из ушедших.

– А будь я проклят, если привезу эту тварь на Ситакку.

Грон начал смутно припоминать: капитан, Загамба, ситаккцы...

– Эй, тот, кто прирежет чужака, получит двойную долю.

Грон приоткрыл глаза. Он лежал на палубе не просто связанный, а прямо-таки обмотанный веревками. Пираты жались к бортам.

– Тройную долю!

Ответом капитану была угрюмая тишина.

– О, крабье говно, если бы в Тамарисе не началось это дерьмо, можно было бы отдать его священным собакам, и пусть боги разбирались бы между собой. Он уничтожил меня. Разом потерять девятнадцать лой! Да и из пятнадцати раненых трое вряд ли доживут до утра.

– А может, просто выбросить его за борт? – неуверенно проговорил Загамба.

– Бросай, – повернулся к нему капитан.

Но тот, буркнув:

– Будь я проклят, – отодвинулся подальше.

Тут откуда-то раздался громкий голос:

– А ты продай его.

– Что? – удивленно повернулся на голос капитан.

Дядюшка Узгар выбрался из-за спин пиратов.

– Насколько я знаю, в кузницах Аккума всегда не хватает молотобойцев, а этот парень вполне сойдет за такого.

Грон устало прикрыл глаза. Дядюшка Узгар не представлял, насколько он был близок к истине. Именно сойдет. Грон чувствовал себя как выжатый лимон. Болела каждая клеточка, но основная проблема была не в этом. Он опять потерял контроль над своим телом.

– А ты прав, старикан. – Капитан обрадованно вскочил на ноги. – Слушайте, акулы, если кто-нибудь когда-нибудь проболтается обо всем, что здесь произошло, и об этом парне, я найду его даже в брюхе морского ящера и устрою такую жизнь, что все его предки смогут услышать его вопли.

Капитан прекрасно знал, что его грозный приказ будет нарушен в первой же забегаловке Ситакки, но ему было на это наплевать. Главное, чтоб не узнали аккумуля. Хотя бы до того момента, пока он не уберется из их порта со своей галерой. Он повернулся к Грону.

– Этого в большую колодку. Эй, на весле, курс на Горящую скалу, идем на Аккум.

Грон почувствовал, как его приподняли, уловил свист воздуха у затылка. Пират, от греха подальше, прежде чем заткнуть Грона в колодку, огрел его рукоятью запасного весла. Уже падая во тьму небытия, Грон пообещал себе: «Последний раз! Чтоб я позволил кому-то еще сделать из меня раба...»

По здешним меркам кузница была огромной. Грон насчитал не менее четырех горнов, причем к двум из них вели воздухопроводы от огромных мехов, обслуживаемых четырьмя рабами. А у двух были собственные меха поменьше. Рабы были прикованы к стенам и наковальням толстыми бронзовыми цепями.

– Ну ты, сопляк, – Грона двинули в бок, – чего рот разинул. – В голосе слышалось удовлетворение, видимо, надсмотрщик гордился кузницей. Она была самой крупной в Аккуме,

городе, известном своими кузницами. Сколько раз он приводил таких вот мускулистых увальней, разевавших рот при виде этого чуда. Они были здоровыми, крепкими, но очень быстро начинали чахнуть, харкать кровью, и вскоре один из подручных кузнеца расклепывал железный обруч с ноги тупа, а он – Кривоногий Саттам – вновь ковылял на базар искать новых здоровых рабов, которые также сначала будут стоять в дверях кузни разинув рот. – Чего, никогда не видел нормальной кузни?

– Вытяжка у вас слабая, оттого весь жар от горнов обратно в кузню задует. – Грон пробурчал это, чтобы усть надсмотрщика, но стоявший за соседней наковальней здоровенный мужик в кожаной коламе вдруг опустил молот и повернулся к Грону:

– Кто такой?

Надсмотрщик торопливо проковылял вперед:

– Новый молотобоец, господин. Только что купил у ситакцев, всего за десять медяков!

– Молотобойца за десять медяко-о-в? – протянул хозяин, с сомнением разглядывая Грона.

Но надсмотрщик не уловил сомнения в голосе и радостно закивал.

– Да еще у ситакцев... Кого они тебе всучили, Кривоногий?

Тут, видно, и до надсмотрщика дошло, что столь низкая цена существенно выходит за границы его способностей к торговле. Он побледнел от страха и злобно и испуганно посмотрел на Грона.

– А впрочем, больно молодой. – Хозяин обтер краем длинной коламы лицо и руки и бесцеремонно ощупал Грона, заглянул в рот и даже раздвинул ягодицы. – Не кастрат и не из *этих*, одни предки знают, почему они так продешевили. Так что ты там говорил про вытяжку, раб?

Грон пожал плечами:

– Если уменьшить свод и удлинить трубу над горном, то весь жар будет оставаться внутри, поковка будет быстрее греться, да и в кузнице будет намного прохладней.

– Хм. – Хозяин повернулся к горну и долго рассматривал его, склоняя голову то к одному, то к другому плечу. – Может, ты и прав, раб, но я скорее отрублю себе руку, чем позволю какому-то рабу насмехаться над тем, что построили мои предки. Так что ты сегодня до вечерней зари без воды – понял?

Грон промолчал, а хозяин ткнул рукой в сторону наковальни и крикнул:

– Эй, Угром, прикуй-ка его ко мне, посмотрим, что умеет этот умник.

Первый день в кузне показался Грону настоящим адом. Тело еще болело, к тому же с непривычки он быстро потянул мышцы. Так что если бы он две недели не махал колуном на дровяном дворе в храме славного города Тамариса, то неизвестно, как он дожил бы до заката. Жара в кузне стояла страшная, и все – кузнецы, подмастерья, рабы – то и дело прикладывались к чану с солоноватой водой, который неумоимо наполнял обливавшийся потом колодезный раб, рысью носящийся от колодца до чана с бадьями на плечах. Когда хозяин последний раз ударил молотком и зычно рявкнул: «Закат!» – Грон чуть не грохнулся рядом с наковальней. А хозяин пристально посмотрел на него и кивнул надсмотрщику:

– Дай ему воды. – Посмотрев, как Грон осторожно пьет, маленькими глоточками, полоская рот, он одобрительно кивнул и, дождавшись, когда он закончил пить, спросил: – Работал в кузне?

Грон молча кивнул.

– Заметно. – Хозяин повернулся к надсмотрщику. – Эй, Кривоногий, пожалуй, ты провернул неплохую сделку, может, в следующий раз послать тебя покупать железо и медь? – И он громко заржал, перекрывая гулкие голоса остальных обитателей кузницы. Отсмеявшись, он скинул с себя вонючую коламу, сунул ее в корзину у входа и, приподняв огромный шестиведерный чан, наполненный колодезным рабом, опрокинул его содержимое на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.